Однажды стрела, что пущена в цель, вернется.

Смертельная рана затянется без следа.

Олень, уснувший в высокой траве, очнется,

Поднимется тихо, скользнет в туманную даль.

Проявятся линии на истлевшей бумаге.

Вернется утраченный смысл, проступят слова.

И там, где безжалостно бури деревья сломали,

Пробьется на ветках сухих молодая листва.

Под слоем ржавчины вскроется дивный орнамент,

Блеснет бирюзой и златом из грязных прорех.

Закружится вихрь с опавшими лепестками,

И снова вернется к цветущему дереву вверх.

Однажды безмолвие светлой строкой обернется.

Слепой старик поднимет к солнцу глаза,

И темные снимет очки, и улыбнется.

И вверх устремится песок в песочных часах.

На плитах гранитных, за далью жемчужной

Ты встретишь меня в своем старом плаще.

И ради нас с тобой будет нарушен

Неизменный порядок вещей.

Исчезнут отметки веков на мраморных статуях.

Оттают мечты, погибшие в лютый мороз.

Замерзшие птицы взлетят над весенней радугой,

И снова станет свечою расплавленный воск.

(C) Fleur

* * *

Стихи придумала Crazy Ditty, спасибо ей

Белый Шпиль приближался с каждым днем.

Казалось, исполинская башня заполоняет собой все небо, хотя, конечно, это было далеко не так. Просто все внимание притягивала к себе колоссальная конструкция, в пропорции высоты и ширины больше всего напоминающая вязальную спицу.

Дэш притихла, чувствуя, как ее сердце колотится о ребра в нешуточном волнении.

Несмотря на недавнюю браваду, она, если честно, боялась узнать истинный смысл происходящего в Мире Дорог.

Не так, конечно, как раньше, но все равно пугала эта неизвестность, которую сулила встреча с управляющими этим странным миром силами.

В том, что те находятся внутри Белого Шпиля, пегаска ни на миг не сомневалась.

– Дэш, как ты себя чувствуешь? – спросила Гайка, и пони подумала, что та просто хочет развеять витающее в воздухе напряжение.

– Все путем, – отозвалась пегаска, – просто не по себе.

– Как думаешь, мы дойдем до завтра?

– Да хвост его знает… – если бы Дэш не шла по дороге легкой рысью, то пожала бы плечами. – Скорей бы уже.

– Я просто немного беспокоюсь за тебя, – сказала Гайка. – Той конфеты было явно недостаточно для того, чтобы покрыть твою потребность в сахаре…

Рейнбоу Дэш встала как вкопанная, заставив задумавшуюся мышку ойкнуть и ткнуться носом в радужную гриву.

Прислушавшись к ощущениям, пони поняла, что слабость, вызванная нехваткой сахара, так и не вернулась, хотя тот маленький леденец просто физически не мог содержать суточной нормы. Даже учитывая то, что состоял из нужного продукта почти целиком.

А день уже клонился к вечеру, и Дэш планировала скакать до самой темноты.

– Я совершенно забыла… – растерянно проговорила радужная пегаска и оглянулась на Гайку, что вернулась в прежнее положение.

– А меня это немного беспокоило весь день, – отозвалась мышка, убрав с лица непослушную прядь. – Ты раньше выглядела совершенно разбитой, а теперь… как будто и не было ничего.

– Я себя прекрасно чувствую, – сказала пони. – Только жрать хочу, но это потому, что мы обедали, кажется, в полдень или около того.

– Интересно, а мне сыр тоже больше не нужен? – задумчиво спросила Гайка. – Надо будет поэкспериментировать. Тем более, там осталось пять кусочков всего.

– Ты же сказала, сыра достаточно! – возмутилась Дэш.

– Каждый ломтик – это моя недельная порция, считай. Паузу в день я выдержу, даже если останусь совсем без сыра. Все равно уже почти дошли.

Дэш перевела взгляд на белеющую в сумерках башню и вздохнула. Какие еще сюрпризы на пороге финала будут ожидать их?

В голову почему-то полезли дурацкие мысли, навеянные воспоминаниями о несостоявшейся личной жизни.

Рейнбоу помотала головой и поджала губы.

– Не дождетесь, – сказала она вслух вполголоса, но Гайка услышала:

– Что?

– Да это я так, о своем, – немного покраснев, ответила Дэш. – Идем дальше?

– Идем, – согласилась мышка, поудобнее устраиваясь на загривке пони. – Только давай уже присматривать место для стоянки.

– Сейчас, – пони показала вперед, где в море выдавалась песчаная коса, заваленная сушеным плавником и поросшая какими-то чахлыми кустиками. – Можно вон там, где мысок. По крайней мере, не вижу ничего более подходящего.

Вечер сменился ночью, и Дэш, прежде чем уснуть, снова долго думала о том, что же может ждать их в конце пути.

Почему-то обязательно виделся суд или нечто схожее.

Начитавшуюся в детстве всякой фантастики Дэш даже посещали мысли о злобных пришельцах, которые изучают столь садистски-изощренным образом психику подопытных. Хотя данная версия совершенно «не выдерживала критики», как выразилась бы Твайлайт Спаркл МакАлистер. Да и любая другая Твайлайт, вероятно.

«Пусть только попробуют, – подумала Дэш и почувствовала, как зубы сжались. – Ни у кого нет никакого права судить и изучать меня. Только у меня самой!»

Подумав так, пегаска сама ужаснулась этой мысли. Такой суд обещал быть наиболее беспристрастным, и оттого – самым жестоким и безжалостным.

Шпиль по-прежнему светился своим холодным светом, разгоняя темноту. В красную же ночь он удивительным образом оставался белым и не подкрашивался.

Дэш это раздражало. Она не взялась бы точно сказать, почему.

Возможно, ей было просто досадно от того, что все вокруг подчинялось законам этого мира, а Шпиль как будто был сам по себе над всеми аномалиями.

По мере приближения к башне нарастала и напряженность. Гайка и Дэш пытались несколько раз завязать беседу, но разговор не клеился: мысли раз за разом возвращались к Шпилю.

Вскоре мертвенно-белый свет стал настолько ярок, что ночь по освещенности стала мало чем уступать дню.

И Дэш шла вперед уже с мрачной решимостью дойти до конца, невзирая ни на что. Внутренне была готова даже к бою, случись что.

Едва прерываясь на торопливую еду и беспокойный сон, пегаска стала ловить себя на мысли, что подавляет желание пуститься бегом…

* * *

…Рейнбоу Дэш остановилась.

Прямо перед ней возвышалась громада Белого Шпиля.

Вблизи стало возможно различить детали: какие-то выступы и механизмы, расположенные в неизвестном порядке и создающие неясный абстрактный узор.

Создавалось впечатление чего-то действительно важного: будто гигантская ось самого мира, вырезанная из белого то ли камня, то ли полимера.

При этом казалось, что вся поверхность медленно двигается, но заметить это получалось лишь боковым зрением, как на оптической иллюзии. Стоило задержать на чем-то взгляд – и выступы

будто замирали в неподвижности.

Не то чтобы Дэш не видела раньше высотных зданий вблизи: Белый Город даже Европейского Гигаполиса мог похвастать зданиями-иглами и на триста, и на пятьсот этажей. Китайская же Аркология, исполинский город-дом, насчитывал больше тысячи уровней над землей в наивысшей точке и еще с сотню – вглубь земной тверди.

Но такой «живой» поверхности не было ни у кого. При этом постоянная динамика белых стен не походила на суету: даже здесь соблюдались присущая этому миру неспешность и неясная, но гармоничная система.

Но более всего Шпиль поражал тем, что возвышался над степью Мира Дорог один. Не было ничего сравнимого по высоте: ни гор, ни зданий. А если бы и были, все выглядели бы карликами в сравнении с этим исполином.

Кроме того, прямо перед Дэш дорога кончалась, и начиналась пропасть, дно которой терялось в сумеречной дымке. Белый Шпиль возвышался прямо из котловины, и вход в него – высоченные ворота из того же белого материала, что и стены – фактически нависал над пропастью, отделенный от нее только небольшой площадкой.

– Не поняла, – высказалась Дэш, – а где мост?

– Где-то включается, не иначе, – ответила Гайка, оглядываясь. – Вон, смотри, там, кажется, пульт.

Рука мышки показала на невысокую колонну из кремового мрамора, увенчанную табличкой с письменами.

Дэш подошла и, встав на задние ноги, передними оперлась на столб: тот явно был рассчитан на людей и им подобных. Гайка перебралась пони на голову, чтобы тоже прочитать текст.

– Письмена, – фыркнула Рейнбоу, – кто бы сомневался.

Мышка же пробежалась по строкам взглядом:

– Что-то я не очень понимаю. Похоже на местный язык, но какая-то бессмыслица, как в стихах из Страны Чудес.

Пони тоже вчиталась:

Ты сама ошибалась жестоко порой,

Путь твой был непрямой и туманный.

И сейчас выбор трудный лежит пред тобой,

Хоть скорее не трудный, а странный.

Но тобою жестокий враг был поражён,

И при этом – не раз и не дважды,

Оттого я сейчас до сих пор убеждён,

Что ответ получить может каждый.

Чтоб не мучилась сильно загадкой моей,

Я тебе подскажу для примера:

В Белый Шпиль вход сама отыщи поскорей,

Не забыв, как свершить Прыжок Веры.

Рейнбоу вновь опустилась на четыре копыта и фыркнула:

– Ну прекрасно. И как мы туда доберемся?

– Веревки нашей не хватит… да и за что там ее цеплять?

– Если бы мои крылья работали, то мы бы добрались без труда!.. – пони вдруг резко замолчала и оглянулась на Гайку.

Та ничего не сказала, но в ее глазах пегаска прочитала то, о чем и сама подумала. И о чем говорилось в дурацких стихах на мраморной табличке:

– Нет, – замотала пони головой, – нет-нет-нет… Только не прыжки веры. Это только в тупом кино такое прокатывает!

– Но стихи! – возразила Гайка.

– «Кто писал, не знаю, а я, дурак, читаю»! – процитировала Дэш кого-то, кого уже и не помнила.

– Я буду с тобой, Дэши, – пообещала Гайка и погладила пони по шее. – Ну подумай сама, разве зря мы сюда шли? Зря были все эти слезы, терзания? Неужели ты отступишься сейчас?

Голос голубой пегаски предательски надломился:

– Я не могу летать!

– Мир Дорог ничего не делает просто так, забыла? Разве мы не убедились в этом?

Гайка старательно придавала голосу уверенность, но получалось не очень убедительно.

Рейнбоу сжала зубы. Казалось, все уже было позади: призраки прошлого, испытания, слезы и душевная боль, с которой из сердца выходили ледяные иглы страха, отчаяния, злобы…

Пегаска бросила взгляд в пропасть. Пнула камушек, улетевший в сторону перламутрового тумана… Звука удара так и не последовало.

– …у Далайна нет дна, – пробурчала Дэш, вспомнив какую-то древнюю книгу.

– Потрясная Рейнбоу Дэш боится? – усмехнулась Гайка, но осеклась, увидев выражение мордочки подруги. – Прости.

– Потрясная Рейнбоу Дэш не готова совершить суицид, – отозвалась пони. – Есть разница.

Они еще какое-то время стояли на краю. Рейнбоу Дэш смотрела, как оба закатных солнца окрашивают окрестности Шпиля в медно-алые цвета.

Крылья пегаски распахнулись с резким хлопком, заставив Гайку вздрогнуть от неожиданности. Рейнбоу Дэш сделала шаг, оказавшись на самом краю, и по ее телу прошла крупная дрожь, которую мышка почувствовала даже через кожаную куртку.

– Страшно? – спросила мышка дрогнувшим голосом.

– До усрачки, – спокойным голосом отозвалась Рейнбоу, – но… я, признаться, понятия не имею, куда нам идти, если не туда.

– Например, вернемся к Спитфаер, – предложила Гайка, – или к доктору.

Дэш вспомнила о фотографии, которая до сих пор лежала во внутреннем кармане куртки. Спитфаер, жеребята, Лаэвей и они с Гайкой…

Сердце тоскливо сжалось, но пегаска колебалась недолго:

– Нет… у них своя жизнь, Гайка. Свои грехи. Свой Путь. Сейчас… я только решусь.

– Конечно, Дэши.

Мышка устроилась поудобнее и взялась за радужные пряди, успевшие порядком отрасти:

– В конце концов, чего мы переживаем, – философски заметила она, но дрожащий голос выдавал с головой. – Мы ведь уже умерли разок.

– Да в сено! – вдруг сказала Рейнбоу Дэш и вся подобралась. – Готова?

– Да! – пискнула Гайка.

– Джеронимо!!!

С хриплым воплем пегаска, расправив два таких коротких крыла сказочного создания, оттолкнулась от края обрыва. На мгновение зависнув в воздухе с расправленными крыльями, Дэш и вправду было поверила, что ей не хватало только этого – решиться на отчаянный прыжок.

На мордочке еще не успела расплыться торжествующая улыбка, когда тяготение вступило в свои права, и лазурная пегаска, несмотря на отчаянно хлопающие крылья, полетела вниз.

Торжествующий клич сменился воплем ужаса.

Гайка, зажмурившись, вцепилась в гриву пони и прокричала:

– Лети, Дэш! Лети!

Но маленькая пони не слушала. В ее голове билась только одна паническая мысль – антиграв по-прежнему не работает!

Расправленные лазурные крылья трепетали от встречного потока, но, конечно же, не могли просто поднять свою обладательницу в воздух.

«Успокоиться, успокоиться, – лихорадочно думала пегаска. – Думай не о падении, а полете…»

Свист ветра в ушах все еще свидетельствовал, что пони и мышка падают. Но Рейнбоу не была бы собой, если бы так просто взяла и смирилась бы со смертельным и бесславным падением у самого финала пути:

«Как учила Спитфаер… и, раз!»

Штопор прекратился, когда Рейнбоу привычным движением крыльев прекратила беспорядочное вращение.

«И, два!»

Ноги подобрались, чтобы не мешать аэродинамике. Лазурное тело перевернулось почти вертикально вниз: никогда не пытайся противостоять падению напрямую!

Осталось самое сложное. То, что было потеряно на пороге этого мира.

«Спитфаер полетела, когда приняла свое место в этом мире, – подумала Дэш, – а смерти – нет…»

Воспоминания о недружелюбном, высоком и холодном небе Земли вдруг вытеснил другой образ из снов, яркий и живой: голубая, как собственная шерстка Рейнбоу, бездна, полная пушистых, мягких облаков. Легкий, быстрый полет, когда не только от крыльев исходит невероятная легкость, а как будто все тело полнится ею. И это… пьянит. Восторг переполняет сердце, душу, как воздух наполняет крылья…

Рейнбоу Дэш медленно, очень медленно открыла глаза и увидела стремительно приближающийся туман. Но при этом она почувствовала, каким вдруг знакомым и послушным стал воющий ветер вокруг. Какими мелкими и глупыми показались ей сейчас страхи о неспособности летать!

Она, Рейнбоу Дэш Потрясная, не может взлететь? Да это же просто смешно!

Гайка, судорожно обнимающая шею лазурно-голубой пони, вдруг почувствовала, как по всему телу той прошла волна дрожи. Рейнбоу вдруг запрокинула голову и расхохоталась, как будто

увидела что-то невероятно смешное.

Не прекращая смеяться, пегаска вдруг резко взмыла вверх, коснувшись копытами клубящегося на дне пропасти тумана и оттолкнувшись от него будто от пружинящего мата. Отвесная стена Белого Шпиля крутанулась перед взором, когда направление полета резко изменилось.

Гайка почувствовала, как желудок провалился куда-то в район пяток, но одновременно с этим ее переполнил такой дикий восторг, что к торжествующему воплю Рейнбоу Дэш присоединился тонкий голосок мышки…

Пегаска вылетела из окружающей Шпиль пропасти и, заложив лихую вертикальную бочку, снова восторженно завопила.

Чувства, переполняющие ее, выплескивались в воздух вместе с оглушительным криком, отражающимся от стенок пропасти, колонны Шпиля и, казалось, от самих небес.

Пони, словно забыв про цель путешествия, взмыла вертикально вверх. И темнеющее небо Мира Дорог с радостью приняло в свои объятия голубую пегаску, что так долго шла пешком…

Она взлетела навстречу солнцам. Глаза наполнились слезами, но это были слезы радости.

Ощущения немного отличались от тех, к которым она привыкла: не просто потеря веса, но как будто какая-то восторженная легкость во всем теле, от которой хотелось кувыркаться и вопить, взлететь в самую вышину!..

Что Дэш и сделала. Понеслась вверх, вверх, еще выше! Если бы сейчас на небе были облака, пони пронзила бы их, но голубая бездна над головой оставалась девственно-чистой. И теперь эта лазурь нарушалась лишь радужным шлейфом, что оставался за пегаской.

Впрочем, на это путешественницы даже не обратили внимания: одна была полностью поглощена восторгом, а вторая – попытками удержаться на спине у первой.

Заложив несколько виражей, Дэш вдруг испуганно оглянулась. Но Гайка сидела на прежнем месте, хотя ее руки, судорожно цепляющиеся за гриву, свело от напряжения.

Рейнбоу привычным и почти неосознанным движением выровняла полет, после чего поинтересовалась:

– Ты как?

– Н-нормально, – слегка дрожащим голосом выдавила мышка сквозь натянутую улыбку. – Я… я никогда так не летала раньше.

– Как – «так»? – переспросила пони, усмехнувшись.

Она вдруг заметила, что грохот в ушах – это стук ее собственного сердца, готового выпрыгнуть из груди.

– Быстро… И… и даже не знаю, как описать.

– И не надо, – не прекращая улыбаться, сказала Дэш. – Кому, как не мне, знать это.

Гайка улыбнулась.

С сердца будто свалился камень: теперь подруга и впрямь была в полном порядке.

Пегаска, чуть сбавив скорость, заложила круг вокруг Белого Шпиля. Впечатление об оси мира усилилось, когда пейзаж как будто провернулся вокруг исполинской башни.

Взгляд пони и мышки словно приковала массивная дверь, в которую, при желании, смог бы спокойно проехать грузовик. И узкая площадка перед ней, теперь такая доступная…

– Готова? – спросила Рейнбоу Дэш.

– Да, – отозвалась Гайка, глубже вжимаясь в гриву подруги. – Теперь – как никогда.

Дэш стала медленно снижаться. Сейчас, когда крылья вновь служили ей, она была готова встретить что угодно: чудовищ, судей, боль и даже смерть. Даже по второму кругу.

Когда копытца глухо стукнули о белый камень, Дэш не стала останавливаться и подошла вплотную к тяжелым створкам.

– На всякий случай, – сказала Рейнбоу, все еще не решаясь сделать последний шаг. – Я была рада быть с тобой в Пути… и рада, что ты прошла его со мной.

– Я тоже, – отозвалась Гайка, погладив шею пони уже привычным движением. – С тобой мне ничего не страшно.

Дверь, не дожидаясь стука, мягко приоткрылись наружу, являя взору поток слепящего света. Такого яркого, что Дэш была вынуждена прикрыть глаза копытом.

– Ну да, – буркнула она, вспомнив предваряющие ее собственное появление в этом мире события, – кто бы сомневался…

Она еще подумала о том, что кривоносый карлик со своими пророчествами о том, что перед ней, убийцей, ворота не откроются, ожидаемо оказался ничтожным треплом.

– Ни слова правды, – фыркнула Рейнбоу и пошла вперед.

Пересекая порог Белого Шпиля, она еще подумала, что у кого-то просто пагубная страсть к дешевым эффектам.

И наступила тьма…

* * *

…Рейнбоу Дэш от такой резкой перемены освещения даже немного испугалась.

Одновременно с непроницаемой темнотой пегаску окутала совершенная тишина, которую не нарушил даже собственный изумленный возглас.

Вообще, создалось впечатление, что пони вдруг резко попала в камеру сенсорной депривации.

Но Дэш не успела удивиться сильно. Очень быстро она обнаружила себя стоящей на мраморном полу, в тускло освещенном зале с колоннами.

Все здесь было выполнено в каком-то странном стиле: простом и в то же время – величественном и роскошном.

Например, Дэш ни за что бы не поверила, что можно вот так запросто отполировать тусклый мрамор или что-то типа него в абсолютно гладкую, почти до зеркальности, поверхность.

А простые круглые колонны, если приглядеться, состояли из цельных кусков хрусталя.

По крайней мере, если не состояли из каких-нибудь полимеров или дешевых заменителей. Но что-то подсказывало: кто бы ни построил Белый Шпиль, вряд ли он экономил на материалах.

Все помещение было залито неярким светом, шедшим вообще непонятно откуда: тень пони не отбрасывала.

– Не по себе мне тут, – сказала пегаска. – Как думаешь, Гайка, это ловушка?

Ответа не последовало.

Рейнбоу оглянулась и с ужасом поняла, что на ее спине пусто. А еще – что двери нет. Просто физически. И что сама пони стоит не у внешней стены, как можно было бы подумать, а в самой середине зала, и вообще, что-то стен тут вовсе не видать.

– Гайка! – крикнула Дэш, крутя головой по сторонам. – Гайка, отзовись!

Но ответило только эхо, и то какое-то приглушенное.

Рейнбоу расправила крылья и уже приготовилась было взлететь, благо высота теряющихся в темноте потолков позволяла, но ее внимание привлек звук, который сложно было с чем-то спутать.

Звук цокающих по камню копыт. Причем подкованных.

Пегаска огляделась. Проклятое эхо не позволяло нормально сориентироваться на слух. Но вскоре зоркие глаза уловили движение, и Дэш обернулась туда, приготовившись на всякий случай к бою.

Но, похоже, в этом не было нужды.

Потому что по направлению к замершей Рейнбоу шла, звеня золотыми накопытниками по каменному полу, белая аликорн с колышущимися гривой и хвостом пастельных оттенков.

Принцесса Селестия, вне всяких сомнений.

Это было настолько вне ожиданий, что Дэш даже как-то растерялась. Пегаска и впрямь была готова встретить внутри Белого Шпиля всякое: чудовищ, судилище, новых призраков прошлого… но это?

Рейнбоу Дэш никогда не имела поведенческой программы с индексом EQ.

Более того, прекрасно знала, что Эквестрия – это выдумки человеков.

А лично знакомых принцесс Селестий у Рейнбоу в прошлой жизни не было: очень уж редки были аликорны ввиду своей дороговизны. Кроме того, среди брони считалось дурным тоном и даже безвкусицей заводить их дома без каких-либо веских причин. Вроде флаера, инкрустированного алмазами: понты, конечно, дорогие, но и только.

Тем временем принцесса подошла совсем близко к угрюмо смотрящей на нее пегаске. Улыбнулась своей неизменной доброй улыбкой и сказала:

– Нет, Рейнбоу Дэш. Если тебя это успокоит, то я не она.

– Тогда на кой хвост этот маскарад? – сварливо отозвалась пегаска, недружелюбно глядя на аликорна.

Снизу вверх, что выглядело не очень грозно.

– Этот облик наиболее подходил к текущей ситуации, но если хочешь, я могу использовать любой другой…

Образ белоснежной принцессы вдруг пошел рябью, и на месте аликорна оказалась рыжая вихрастая пегасенка.

– Что если так? – спросила «Скуталу», затем ответила сама себе. – Наверное, слишком молодая?..

Образ снова расплылся, вытянулся вверх и обрел очертания человека в черном плаще и шляпе. Из-под полей блеснули красные глаза-импланты, и низкий голос спросил:

– А это слишком напыщенно, наверное?..

Очертания вновь изменились, но как только стала проступать атлетически сложенная фигура человека с короткой стрижкой, Рейнбоу Дэш злобно ощерилась, не отводя взгляда, и, как будто почувствовав захлестнувшую пони ярость, «принцесса Селестия» вновь приобрела свой первоначальный облик.

– Ты права, это слишком жестоко, – призналась аликорн ровным голосом. – Может быть, что-то из твоих пожеланий?

Образ снова расплылся, и перед Рейнбоу Дэш предстал могучий лев. Властелин и создатель сказочной страны, куда пегаска одно время мечтала сбежать. От Алекса Вендара, от всех людей.

Но с тех пор Рейнбоу Дэш выросла.

Видимо, ее мнение по этому поводу отразилось на мордочке, потому что лев произнес, вновь превращаясь в белого аликорна:

– Что ж, будем банальны.

Рейнбоу вспомнился мерзкий карлик, что тоже говорил о смене облика.

Дэш мысленно наказала себе быть настороже и сказала:

– Мне плевать. Хочешь, будь Селестией, не хочешь – хоть Дискордом, перевертыш долбаный. Что ты сделала с Гайкой?

– Ничего. Просто у Гайки свой Путь. И я не перевертыш.

– Мне плевать, кто ты! – резко сказала Дэш. – Гайка моя подруга!

Но обитательница Белого Шпиля осталась спокойной:

– Наступает момент, когда выбор нужно сделать самостоятельно. Без оглядки даже на самых близких друзей…

– Нам даже не дали попрощаться! – перебила пегаска и топнула копытом.

– Технически говоря, вы попрощались перед входом в Шпиль, – сказала та, что выглядела как Селестия. – Да и разве вы отпустили бы друг друга после этого?

Рейнбоу поджала губы. Кем бы ни было это существо, оно било в десятку не целясь: пегаска никуда бы не отпустила Гайку одну. И мышка, без сомнений, не бросила бы Дэш.

– Поклянись, что с ней все в порядке.

– С ней все в порядке, – ответила аликорн, – могу поклясться, чем скажешь. И даже показать. Но это позже, а пока… пока мы поговорим о тебе. Идем.

С этими словами принцесса пошла вдоль колоннады, и Дэш, немного помедлив, поцокала следом.

Если вдуматься, больше в зале все равно нечего было делать. Да и упрямиться пока что пегаска не видела смысла, особенно если можно будет убедиться в безопасности Гайки.

В сущности, то, что оказалось внутри Шпиля, даже как-то не тянуло на эпический финал игры: ни тебе главного «босса», ни жестоких судей, ни нового витка изматывающего столкновения с прошлым…

Положа копыто на сердце, Дэш даже была немного разочарована: она всерьез готовилась к последней схватке.

– Что ты вообще такое? – спросила пони, догнав аликорна, что будто специально шла слишком медленно, для удобства вдвое более низкой Дэш. – Ты какое-то новое испытание, да?

– Нет. Я – Хранитель этого мира. Я то, что встречают все в конце Пути. Так что прими мои поздравления, Рэйнбоу Дэш Вендар. Ты – дошла.

Пони почувствовала, как от приступа гнева крылья норовят распахнуться, и процедила сквозь зубы:

– Я больше не Вендар.

– Конечно, – кивнула аликорн. – Во время своего путешествия ты смогла отказаться от своего прошлого и измениться в лучшую сторону. Ты смогла понять цену жизни и цену дружбы. Доказательство тому – шрамы, что исчезли с твоего тела. Шрамы, что покрывали не твое тело, а твою душу.

Дэш вздрогнула. Слова Селестии заставили вспомнить удивление Гайки от исчезнувших шрамов…

Но Рейнбоу, желая убедиться, притормозила и бросила хмурый взгляд на Хранителя:

– Не подглядывай, – сказала она, и аликорн послушно отвела взгляд и даже закрылась крылом.

Дэш, приспустила шорты и увидела, что шрамов не осталось даже на кьютимарке.

Пегаска пару раз моргнула, глядя на неповрежденную шкурку. Не то, чтобы это было невозможно: современная пластическая хирургия и регенерационная терапия Гигаполисов позволяла и не такое, были бы деньги.

Но все это были дорогие и зачастую длительные процессы, а единственное место в Мире Дорог, где подобное хотя бы в теории было бы возможно – это клиника доктора Салазара. А там ничего такого не было.

Дэш вернула шорты на место и, снова пойдя рядом с аликорном, уточнила спокойным тоном, хотя внутри у нее все похолодело:

– То есть я – душа?

Многочисленные разговоры о загробной природе Мира Дорог, конечно, не ушли из памяти Дэш. Но то были досужие разговоры окружающих, а здесь почему-то слова меняющего облик существа казались дискордовски убедительными.

– Конечно, – кивнула тем временем принцесса. – Ты же помнишь, как умерла?

Дэш промолчала. Она действительно помнила все: отчаянный рывок, боль в груди от сидящего там ножа, обжигающие лазерные ожоги и наконец – ослепительный свет взорвавшейся термогранаты.

– А как же... – Дэш понимала, что цепляется за соломинку, но все же должна была попробовать, – светящийся тоннель, облачные сады, святые? Или черти с вилами?.. Или, Дискорд подери, Эквестрия?

– А ты и впрямь хотела бы попасть в мир с большими огненными котлами или ангелами, что денно и нощно играют на арфах? По-моему, такие миры не для тебя, что скажешь?

– Белые крылья… – задумчиво проговорила Дэш, глядя на аликорна. – Это ты меня притащила сюда?

– Ты же видела, что мой облик не постоянен, – улыбнулась Хранитель. – Это могла быть я, а могло быть твое разыгравшееся от шока воображение.

Рейнбоу потрясла головой, издав раздраженный рык:

– Ненавижу, когда говорят загадками, мне сразу хочется выбить эту дурь из яйцеголовых умников! А вот в Эквестрию я бы очень хотела попасть! И как следует, от души оттянуться на самой первой Рейнбоу Дэш!

Говоря это, она вдруг представила себя, врывающейся в жизнь пони, слыхом не слышавших о людях и их жестоком мире. И подумала о той, кто понятия не имеет, как ее образ растиражировала алчная корпорация. А тысячи двойников вынуждены страдать из-за этого.

– Вот видишь? – спросила Селестия. – Ты и сама все понимаешь. Да и в чем вина тех, кто живет в Эквестрии? Лишь в том, что люди не смогли до них добраться?

Рейнбоу вдруг встала на месте, и аликорн остановилась тоже.

В груди пегаски стремительно разрасталась обида на чудовищную несправедливость при мысли о том, что где-то действительно может быть ТА САМАЯ Рейнбоу Дэш, которую столетия уже показывают в мультике про разноцветных маленьких лошадок.

На глаза навернулись жгучие слезы. Пони, стиснув зубы, сперва пыталась сдержать их, смотря в сторону. Но вскоре преграда прорвалась, когда обида смешалась с гневом и выплеснулась наружу.

Дэш резко вскинула взгляд и закричала на ненастоящую принцессу Селестию:

– Да! Да!!! Потому что… это нечестно, ясно?! Нечестно! Почему я должна была прожить жизнь, полную боли, а не они? – сейчас, когда последние барьеры пали, слезы хлынули потоком. – Чем я хуже них? Что я сделала, чтобы заслужить такое?!.. Я… я… не просила быть Рейнбоу Дэш… Но меня такой сделали! Меня никто не спрашивал!.. И даже после смерти… Всем чего-то надо от меня… Испытания, Путь… И ты еще… Читаешь мои мысли, мою душу… да подавитесь все!.. Так бы и врезала…

Голос радужной пегаски окончательно сорвался. Она обессилено уселась на круп и, прикрыв копытами глаза, горько разрыдалась от всепоглощающего чувства несправедливости и какой-то детской обиды на все…

Идя к Белому Шпилю, Дэш много раз спрашивала себя, зачем она делает это. Почему не могла остаться с Соарином Пишчеком («Пусть мне перья повыдергают, если он хоть словом возразил бы против присутствия рядом двух Рейнбоу Дэш!»), в клинике Салазара и Хаузера, в милом и уютном кафе Спитфаер и ее инопланетного хахаля… На худой конец, принять правила местной игры и скакать по дороге до второго пришествия или пока не надоест.

Лишь сейчас становилось ясно, что все дороги этого мира сходились тут. И совершенно неважно было, кто по ним шел или ехал, и как. И сколько времени.

Но вот теперь этот бесконечный марш был закончен для одной конкретно взятой пони, и Дэш чувствовала, что сил на какие-то еще испытания просто не осталось.

Хранитель стояла, и на доброй мордочке Селестии читалось искреннее сочувствие. И от этого становилось еще горше.

Тем не менее, никакие слезы не могут литься вечно, и вскоре рыдания переросли во всхлипывания, и пегаска рискнула поднять глаза:

– Зачем, зачем все это? – спросила она. – Мое прошлое, мои преступления… Неужели я должна заново пережить все это и не могу просто оставить позади?.. Получить забвение, наконец…

– Разве ты хочешь забвения, Рейнбоу Дэш? – спросила Хранитель.

– Я хочу, чтобы мне перестали отвечать вопросом на вопрос! – выкрикнула пони. – И хотелось бы знать, что я вообще делаю в этом мире, как сюда попала и, главное, кому все это понадобилось?

Аликорн оставалась спокойной, и это тоже раздражало. Но, по крайней мере, в ее ответе больше не содержалось новых неудобных вопросов:

– Тебе наверняка уже много раз рассказали, что из себя представляет Мир Дорог. Путь, который позволяет… скажем так, переосмыслить некоторые вещи. Понять. Простить и получить прощение. Во многом заново познать себя. Получить ответы.

– Ну так я и хочу получить ответы! Что это за мир? Откуда он, Дискорд возьми, взялся? Почему «ушел»? Куда? Что это за Пути и почему он так похож на истории из древних книг?! И не надо загадок! Не надо… Я хочу знать. Я это заслужила!

Хранитель молчала, давая радужной пони высказаться, и та снова повысила голос, зло хлюпнув носом и утеревшись копытом:

– И я требую, ясно?.. ТРЕБУЮ рассказать, что все это должно было значить! Мне обещали ответы в Белом Шпиле!

Аликорн помедлила, убедившись, что собеседница закончила, и задала вопрос:

– Обладаешь ли ты знаниями космологии на уровне ученого своего мира?

– Издеваешься?! Нет, конечно!

– На уровне студента?

– Щас! – надулась пегаска, – Я не яйцеголовая!

Селестия еле заметно вздохнула, что не укрылось от внимания Дэш:

– Я все видела!

Хранитель только улыбнулась:

– Ну хорошо… Ты знаешь о причинно-следственных связях и информационном поле?

– Слышала, – буркнула Дэш, не желая показаться совсем уж неотесанной, хотя и эти слова ей мало о чем говорили.

Хранитель, похоже, не поверила, потому в воздухе появилась школьная доска, а рядом запорхал окутанный золотистым сиянием мел, ставя в ряд несколько кружков и соединяя их линиями.

– Смотри, вот твой выбор, сделанный на заброшенной фабрике. Вот ты погибаешь, жертвуя собой, вот оказываешься здесь, – мел нарисовал еще один ряд кружков. – А вот другой вариант событий, когда ты просто улетаешь. Далее ты ищешь Соарина… И так далее.

Аликорн выделила одну последовательность более жирными линиями.

– Вот то, что является для тебя объективной реальностью. Твой выбор. Твои поступки. Твоя судьба…. Так вот, все возможные другие варианты остаются вне пределов твоей реальности, но так как это информация, она никуда не исчезает. Следишь за моей мыслью?..

– Я видела кино про параллельные миры.

– Можно и так сказать, хотя степень их реальности варьируется в зависимости от наполнения той или иной энергией. Получается некая… сетка, вернее, ячеистая структура событий. И если для индивидуума… скажем, для тебя… это выглядит как цепочка выборов и встреч, то если мы берем все сознания, все вероятности, да не на уровне личностей, а целых миров… Есть много определений, но трехмерное восприятие не в силах объять трансцендентную структуру достаточно четко. Кто-то сравнивает получившуюся систему с кристаллом, веером, тороидом или сферой. Все они правы и одновременно нет.

– Ладно, это я врубилась, – снова соврала Дэш. – А причем тут этот мир?

– А этот мир более тесно взаимодействует с этой структурой, и виноваты тут местные жители, а точнее, одна их… назовем это технологией, – в голосе Хранителя как будто послышалась боль, но аликорн быстро совладала с собой. – Игры с вероятностями, темпоральными полями и прочими фундаментальными структурами бытия редко когда заканчиваются хорошо для тех, кто к этому не готов. Особенно опасные игры…

– Я поняла, – перебила почти успокоившаяся пегаска. – Но что все же такое Мир Дорог?

– Долго объяснять, хотя мы и не торопимся, – сказала аликорн. – Откуда взялся? Оттуда же, откуда и все миры: был в свое время создан. Что касательно остального… прости, я не смогу объяснить в понятных терминах. Если в двух словах, мир Дорог – это… Преддверие, что ли? Миры тоже со временем умирают, но, как ты, наверное, уже поняла, смерть – это не конец. Что для мира, что для маленькой пони. Для тех, кто… эх, не хочется прибегать к клише, но слово «достоин» тут больше всего отражает истину.

– И за что мне такая честь? – поинтересовалась Дэш. – Чем я такая особенная?

В этот раз на мордочке Хранителя промелькнуло что-то похожее на удивление:

– Особенная? Вовсе нет… Позволь кое-что показать тебе.

Рейнбоу Дэш уже хотела что-то сказать, но хрустальные колонны вокруг вдруг засветились ровным светом, и пони с удивлением увидела в них сперва размытые, но все более четкие образы. Подвижные, как двухмерное кино, они сперва казались сумбурными, но потом…

…Твайлайт Спаркл МакАлистер, которую легко узнать по яркой одежде, сидит на старом причале, и к ней сквозь туман без звука подходит небольшое деревянное суденышко. В стылой ночи, светят такие теплые и манящие огни… На горизонте в море возвышается Белый Шпиль…

…Лысый человек в черном плаще сидит на скамейке, пряча в ладонях лицо. К нему подходит другой мужчина, довольно пожилой, но его плащ – серого цвета, а на голове красуется шляпа. Рядом останавливается знакомый Рейнбоу серый единорог-подросток с добрыми глазами и как-то по-детски доверчиво жмется к ноге человека, чему-то улыбаясь. На лысую голову опускается точно такая же шляпа, как у подошедшего, только черная, и взгляд поднявшихся красных глаз встречается с серыми, в которых нет ни малейшей укоризны…

…На обочине дороги стоит девчонка-подросток, удивительным образом напоминающая Скуталу: фиолетовые глаза и волосы, рыжая футболка и удивительно знакомое выражение лица. Стоит, опираясь на неподвижный гравицикл и как будто чего-то ждет. Рядом останавливается еще один парящий над дорогой аппарат с восседающей на нем женской фигурой, с ног до головы затянутой в стильный кожаный комбинезон. Изящным движением сняв шлем, наездница являет миру короткую радужную стрижку и вишневого цвета глаза, смотрящие знакомым взглядом старшей подруги. А еще – штрих-код на щеке и шрамы, такие характерные для Дэш Хоул… В руки неловко покрасневшей девочки летит буксирный трос, и вскоре два сцепленных гравицикла устремляются по дороге…

…Фиолетовый дракон, после недолгого отдыха в клинике доктора Салазара, целеустремленно шагает по дороге, и на изогнутой шее висит талисман в виде серебряного полумесяца. Взгляд влюбленных глаз устремлен к темнеющему горизонту…

…Молодая девушка с белыми волосами и мечтательным взглядом идет по Дороге, а рядом шагает знакомый перевертыш с амулетом Святого Иуды на шее. На груди девушки висит кулон в виде мордочки белой лисы, а небо расчерчивает радужный шлейф от полета Рейнбоу Дэш Кэмпбелл… Девушка что-то шепчет еле слышно, перевертыш кивает, и они идут по направлению к городку…

…Старинный черный автомобиль, покрытый пылью бесконечных Дорог, едет сквозь красную ночь, и в салоне сидят двое друзей, которые, наконец, встретились после собственных перипетий этого странного мира… Их Дорога пересеклась с Рейнбоу Дэш мимолетно, но и впереди, и позади них многие и многие километры Пути… а в кабине на зеркале висит стилизованная игрушка голубой пони с радужной гривой…

Пегаска отвела взгляд от хрустальных колонн, и образы постепенно рассеялись.

– Так я – не особенная, значит? – спросила пони.

Она испытывала даже какое-то странное разочарование. Даже не взялась бы объяснить, почему.

Но Хранитель видела ее насквозь. Улыбнулась такой характерной для принцессы Селестии улыбкой и ответила:

– По крайней мере, не в этом, Рейнбоу Дэш.

– А в чем? – заинтересовалась пегаска. – Что-то я не врубаюсь…

– Как я уже сказала, жизнь наша состоит из череды выборов. Пусть даже иногда это всего лишь мимолетная встреча, зачастую она может оказаться гораздо важнее, чем кажется на первый взгляд.

– Да ладно! – Дэш махнула копытом с деланным безразличием и усмехнулась. – Скажи еще, «мир спасти».

– Ты удивишься, – сказала Хранитель.

– О, неужели? – в голосе пегаски послышался сарказм. – А слабó показать?

Белая аликорн сделала плавное движение крылом, вызывая образ в хрустальной колонне, и произнесла не без доли торжественности:

– Посуди сама. Если бы Скуталу не попала к вам с Алексом, она бы замерзла на улице. Не будь твоего жестокого обращения, она бы не сбежала вместе с Джерри и не украла кейс с блоками данных. Твои грубые слова в отношении Лиры Хартстрингс Стюарт заставили ее убежать и в результате спасти Скуталу от судьи Рока…

– Ну прям ангел-хранитель, разорвать мою задницу, – буркнула радужная пегаска, которую вновь посетили не самые приятные воспоминания.

К тому же, теперь Рейнбоу Дэш было стыдно за многое из того, что она делала в прошлом. Даже если предположить благоприятные последствия.

Аликорн продолжила:

– Ты тогда этого не понимала, но да. Ты была своего рода ангелом-хранителем маленькой Скуталу, и во многом благодаря тебе ее судьба сложилась так, а не иначе…

Хранитель еще что-то говорила, но Рейнбоу Дэш не слушала. Она смотрела на образ в хрустальной колонне, где проявились какой-то лазарет и лежащая на койке рыжая пегасенка, нос которой закрывала плотная повязка.

Очевидно, после удара ее, Рейнбоу Дэш Вендар, копыта.

Пегаска почувствовала, как ее мордочку и щеки заливает краска стыда. Но Хранитель, похоже, была далека от того, чтобы осуждать или насмехаться, и просто показывала образы в хрустальной колонне…

…Когда Джерри доходит до момента гибели Рейнбоу Дэш Вендар, то вдруг замечает, как зрачки Скуталу рывком сужаются.

– Не бойся, все позади, – говорит мыш. – Она мертва.

– Я не поэтому, – гундосит Скуталу. – Она ведь просила прощения, а я не могла ответить… И теперь не смогу ей сказать…

– И ты туда же? – изумленно спрашивает Джерри. – Да что вы за добрые самаритяне все?!

На мыша поднимаются полные влаги глазища, заплывшие синяками от удара по носу.

– Я прощаю ее, Джерри. Потому что она… спасла нас всех. И тебя тоже спасла. Я не знаю, как бы пережила, если бы тебя не стало…

…Дэш в Мире Дорог чувствовала, как холодный и тяжелый камень скатился с ее сердца.

То прощение, которое она не чаяла получить ни в той жизни, ни в этой… ни в какой-либо еще.

Пара слезинок скатилась по голубым щекам и упала на каменный пол.

Хранитель же продолжила говорить:

– Порой смертные не замечают очевидных вещей. В частности, того, что одно их существование уже изменяет множество жизней. В другое время и в другом месте о тебе бы сняли фильм, но тебе нужно было не это. Тебе нужно было прощение, и ты его получила. И даровала тоже.

Пегаска бросила взгляд на колонну, где увидела другой образ: Лира Хартстрингс, судя по всему, та самая, что получила по рогу на заводе. И парящая рядом вторая Рейнбоу Дэш, очевидно, из местной компании пони, надо сказать, довольно внушительной…

– Как жаль, что Стивен не встретил ту Рейнбоу раньше, – задумчиво говорит радужная пегаска. – Он бы помог ей.

– Как? – спрашивает Лира.

– Выкупил бы, как Грей Маус или Вельвет…

Последним же мимолетным образом в глубине хрустальной колонны стало изображение того, как Меткоискатели идут в сопровождении Рейнбоу Дэш и одетой в элегантный белый костюм Рэрити к огромной расцвеченной бесчисленными голограммами пирамиде. С очень хорошо знакомой когда-то Дэш Вендар вывеской развлекательного комплекса «Галакси-Плаза»…

– …Если бы не ты, – оторвал от наблюдений голос Хранителя, – Скуталу никогда не нашла бы себе новый дом. Она бы просто умерла на улице. От холода и голода, от рук спятившего синтета или же просто случайного бродяги.

Рейнбоу молча смотрела на постепенно тускнеющие образы и продолжала беззвучно плакать. Но это уже были совсем не слезы отчаяния. Она снова всхлипнула, но ничего не сказала, поглощенная собственными чувствами.

Хранитель же, выждав паузу, спросила:

– Так что скажи мне, стоило ли оно того? Стоила ли твоя жизнь жизни этой малышки?

Дэш, хлюпнув носом и утерев копытом мордочку, решила тоже ответить вопросом на вопрос:

– Обязательно было доводить меня до истерики, да?

К Дэш вдруг подлетел окутанный золотистым сиянием батистовый платок, который попытался вытереть слезы. Но пегаска поймала тонкий кусочек ткани копытом, после чего сама вытерла мордочку и, не удержавшись, трубно высморкалась. И только после этого отпустила платок, позволив ему взлететь обратно в кинетическом поле.

Рубиновые глаза покосились на ненастоящую Селестию, которая лишь улыбнулась выходке Дэш:

– Слезы – самое эффективное, самое возвышенное средство очищения. Они смывают все: боль, страх, гнев и отчаяние. Ты разве не чувствуешь?

Рейнбоу чувствовала.

Она подняла взгляд влажных глаз на Хранителя и спросила:

– А можно посмотреть еще на одну пони, прощения у которой я тоже не успела попросить?

– Конечно, – рог Хранителя осветился, и Дэш подумалось, что она даже не успела сказать, на чью судьбу хотела бы взглянуть.

В колонне же вновь стали проступать очертания Европейского Гигаполиса, но сложившийся образ заставил пегаску ощутимо вздрогнуть…

…Синтетов, как правило, не хоронят.

Хорошо, если есть друзья, или любящий хозяин, но большинство ожидает лишь утилизация.

Но синтеты – живые существа, и вера во что-то лучшее согревает их сердца.

Поэтому много где можно заметить памятные камни или просто стены, исписанные именами и даже просто номерами. Часто знаками памяти служат специальные таблички, кусок персональной брони или настоящие могильные камни. Хорошо, если удается положить или закопать где-то рядом какую-то памятную вещь.

Теперь же Церковь Памятных Скрижалей находится в процессе регистрации как официальная религия синтетов.

В темном и тихом зале старого склада, что вскоре должен будет стать одним из храмов, в числе прочих Скрижалей стоит прозрачная шкатулка, в которой лежат, намертво вплавленные в

полимер, голубое маховое перо и цепочка с медальоном в виде облака с молнией.

«Рейнбоу Дэш Вендар» – гласит надпись на бронзовой табличке.

Литлпип Вислер, совершая свой ежегодный ритуал памяти, крайне удивляется, когда обнаруживает на условной могиле еще одну пони.

Подойдя ближе, Литлпип различает в полумраке мундир Глобальных ВВС и рыжие крылья, сложенные за спиной.

– Скуталу? – спрашивает единорожка, и пони оборачивается.

– Угу, – тихо говорит она. – Знаешь, когда начала появляться база данных по Скрижалям Памяти, я наугад вбила имя Дэш Вендар. И крайне удивилась, что у нее есть могила. Честно, даже не ожидала, что это будешь ты.

– Там все сложно, – улыбается Литлпип Вислер, чувствуя, как щеки розовеют.

– Угусь, – кивает Скуталу, – хоть бы что в этом мире было просто…

Повисает неловка пауза, которую первой решается нарушить серая единорожка:

– Почтим ее память вместе?

Молодая пегаска в капитанской форме трясет сиреневой гривой, остриженной короче обычного:

– Прости, я… уже закончила. Я просто хотела… проститься с ней. Сейчас, после стольких лет, я могу, наконец, это сделать.

Литлпип замечает, что на рыжей мордочке виднеются дорожки от слез, а рядом со Скрижалью Дэш Вендар лежит букет голубых гвоздик.

– Я… пойду, – говорит Скуталу. – Спасибо, что сохранила память о ней…

С этими словами пегаска двигается на выход.

– До свидания, Скут, – отзывается единорожка, – если что, я бываю тут каждый год, двадцать третьего октября.

– Я догадалась, – отзывается пегаска, не оборачиваясь, – годовщина ее гибели. Бывай, Литлпип.

Серая единорожка, опустившись на пол возле Скрижали, улыбается и кладет рядом с голубым букетом красную розу. В зеленоватом сиянии взлетает фляжка.

– Ну вот видишь, Дэши, – тихо проговаривает пони, откупоривая посудину, – теперь тебя буду навещать не только я…

…Рейнбоу Дэш сморгнула выступившие снова слезы и отвела глаза от видения.

Смотреть на собственную могилу было жутко. Даже на ненастоящую. Даже через кристалл.

Не хотелось в это верить, несмотря ни на что…

Дэш положила копыто на грудь. Сердце билось. Легкие исправно качали воздух, а в горле малость пересохло.

Дэш подняла взгляд на Хранителя.

Хотелось выглядеть грозной и сердитой, но очень сложно делать это, глядя на собеседника снизу вверх и шмыгая носом.

Две пони пошли дальше, и цоканье копыт снова раздалось в зале.

– Я не понимаю, – сказала Дэш. – Я ведь живая… не мертвая…

– Жизнь и смерть, тело и душа, все зависит от того, где находишься, – ответила аликорн. – С самого момента сотворения вселенной она была гораздо большим, нежели огромная пустота с кусками плазмы в ней…

– Вот только без этого, – буркнула Дэш. – Никогда не любила всю эту яйцеголовую заумь. Мне лекции о параллельных мирах во как хватило.

– Облик тоже относителен и зависит от места, – пояснила Хранитель. – И если бы ты вернулась в привычный мир, то стала бы бесплотным призраком, которого могут чувствовать только те, кто тебя по-настоящему любит.

– То есть, никто, – кивнула Дэш. – Теперь я врубилась.

Аликорн едва заметно вздохнула, но, очевидно, решила не развивать тему.

Рейнбоу, мысленно поздравив себя с «маленькой победой», только усмехнулась.

– А почему Олли превратилась в девушку? – спросила она, вспомнив одно из видений.

– Это часть ее Пути, – ответила Хранитель по существу, но совершенно непонятно.

– Кто она вообще такая? – продолжила спрашивать Дэш, в вопросах обретая утраченную было уверенность в себе. – Почему помогала нам с Гайкой? Она тоже, как ты, любила поговорить загадками. Или помолчать и потявкать.

– Твой путь в родном мире мог привести тебя к ней, и тогда бы уже там она стала твоим проводником.

– Ага! – воскликнула Дэш, будто поймав аликорна на лжи. – Значит, все-таки есть предопределенность, и свобода выбора чушь?!

Но Селестия лишь покачала головой:

– Все не так просто. Некоторые события могут произойти, но их вероятность зависит от поступков каждой отдельно взятой личности. И их последствия тоже.

– Опять загадки! – фыркнула Дэш. – Неужели так сложно сказать «да» или «нет», без всякой яйцеголовой премудрости?

Хранитель только улыбнулась:

– Ты вольна выбирать свой путь, как в том мире, так и в любом другом.

Дэш потрясла головой и передразнила:

– Бла-бла-бла! Так я и думала. И что было бы тогда, если бы наши пути с этой Олли-человеком пересеклись? Я бы осталась в живых, да?

– Ты – да, – многозначительно заметила Селестия, но возбужденная Дэш даже не заметила уловки и купилась:

– А кто бы умер? Сейчас если скажешь, что Соарин, не поверю.

– Много кто. Например, знакомый тебе Микки Маус.

Дэш поперхнулась словами, которые собиралась сказать. Действительно, она собиралась поинтересоваться о судьбе «всемогущего» мистера М. И, оставшись в живых, непременно захотела бы расквитаться…

– Ты же понимаешь, что я теперь захочу узнать подробности, да? – спросила Дэш.

– Конечно, – легко согласилась Хранитель, и пегаска смутно заподозрила двойную игру.

«У тебя паранойя, Дэш, – мысленно сказала себе пони. – Эта хрень не зря явила себя аликорном. Захочет – обездвижит, разберет на атомы и соберет заново, но стоит и болтает…»

– Итак, – сказала Рейнбоу вслух. – Поиграем в игру, «что было бы, если?..»

Ненастоящая принцесса Селестия рассмеялась. Добрым и беззлобным смехом:

– Если тебе угодно.

Пегаска страдальчески закатила глаза:

– Ну не тяни уже. Что если бы я пережила битву с Роком и осталось жить в том поганом мире?

На проявившиеся в хрустальных колоннах образы Рейнбоу Дэш уставилась даже с каким-то вызовом…

…За круглым столом в комнате сидят четверо: Рейнбоу Дэш Вендар, незнакомая земнопони каурой масти и с совершенно невинной мордочкой, черный Тандерлейн с желтым пером в заплетенной в косу гриве, а также девушка с белыми волосами, которая не может быть никем иным, кроме как воплощением Олли. Или это белая лисичка – воплощение этой девушки?

Команде нужен кто-то, кто бывал в убежище Мауса, потому что карты ничего особо не говорят.

Обстановка навевает мысли о приличных районах Серого Города: комната, напоминающая начало двадцать первого века, бьющее в окно солнце, заливающее золотым светом бетонные коробки вокруг и заставляющее сверкать не слишком далекие громады Шпилей…

Из разговора становится понятно, что каурая пони пыталась узнать через Каа, кто может им помочь. И выяснила, что Мауса, самого́ могущественного мистера М… обокрали. Об этом не

принято говорить вслух, иначе болтуны очень быстро замолкают навсегда, но об этом знают.

На изображении с камер слежения видно, как высокий человек, чье имя известно практически всем в преступном мире, хотя лично его мало кто видел, – Ловчий – притаскивает в офис Мауса никого иного, как Даймонд Тиару Ингред, бывшую чемпионку юниорской лиги и самую лютую ненавистницу Дэш Вендар.

А потом они смотрят еще одну предоставленную старым питоном запись, где поняшу быстро сажают в машину и куда-то увозят.

Как только запись кончается, Рейнбоу Дэш Вендар коротко, но решительно говорит:

– Нет.

Каурая земнопони возражает:

– Она там бывала.

Дэш фыркает, скрестив на груди передние ноги:

– Я тоже там бывала, большое дело.

Но у собеседницы много аргументов:

– Она смогла туда проникнуть, взломать охранную систему, выкрасть ценные документы, обойти Плуто и уйти живой.

Однако Дэш Вендар упирается:

– А еще она эгоистичная, мелочная и злорадная тварь, которая плевать хотела на окружающих.

Подает голос девушка:

– Но ведь она проникла туда не одна, а с единорожкой и пегаской. Причем с Рейнбоу Дэш. Значит, ей все же не наплевать?

– Пушечное мясо, – бросает Дэш.

– Они выбрались оттуда втроем, – замечает каурая пони, но, судя по опустившимся ушам и опущенному взгляду, понимает, куда клонит радужная пегаска.

На мордочке Дэш появляется злобная ирония:

– Да-а? – протягивает она. – А что же с ними стало потом?

– Я не знаю.

Дэш как будто смакует каждое слово, хотя не может знать ничего наверняка:

– А вот я знаю. Она. Их. Убила.

Девушка не выдерживает:

– Дэш, это ребячество! То, что ты с ней не в лучших отношениях…

Та взрывается:

– Не в лучших? Дай-ка я тебе расскажу, в каких я с ней отношениях! Она наняла банду фурри для того, чтобы те избили меня и Твайлайт Спаркл МакАлистер!

Повисает продолжительная пауза, во время которой Дэш с вызовом поочередно смотрит на собеседниц.

Наконец, единственный в комнате человек нарушает молчание:

– Мы не можем знать всей поднаготной…

Рейнбоу перебивает:

– Ага. Еще скажите, что в глубине души она добрая, просто ей не повезло по жизни, да?

Девушка выразительно смотрит на Дэш:

– Кого-то это напоминает?

Пони хочет что-то ответить. Затем рычит. Вскакивает со стула, отвешивает последнему мощный пинок, после чего уходит с расправленными крыльями:

– Делайте что хотите!..

…Тесная камера, узкое оконце под потолком. Железная кровать с тонким матрасом и неизменная цепь, ведущая к заклепанному намертво ошейнику. В углу отделанная кафелем дыра в полу, сверху кран: все удобства в одном.

И постоянные клиенты – мелкие жулики, извращенцы, садисты. Люди, генофрики, фурри и вообще не пойми кто. Те, которым не хватает или просто жалко денег на свои фантазии. В общем, отбросы общества.

Ничто из этого не сломило Даймонд Тиару Ингред и даже не особо подорвало ее здоровье: закаленный организм гладиатора привык к стрессам. К тому же, кормят на удивление неплохо: очевидно, чтобы кости не торчали.

За дверью раздаются голоса. Спор, потом крики. Тиара не прислушивается. Скорей всего, какой-то из клиентов зарвался, и его выводят. Но тут поворачивается ключ в ее камере. Тиара бросает взгляд в проход, после чего вскакивает с койки.

Говорит сквозь зубы, глядя на стоящую в дверях пони:

– Вот уж кого не ожидала увидеть, так это тебя, Вендар. Ходили слухи, что ты подохла.

– Тоже самое говорили про тебя, – парирует пегаска.

– Полагаю, ты пришла, чтобы эти слухи сделать былью. Заслужить прощение Мауса, а заодно и порадовать себя, да?

– Нет.

Тут Даймонд Тиара удивленно склоняет голову на бок:

– Нет?

– У нас мало времени, поэтому слушай сюда – ты можешь остаться гнить в этой камере, а можешь пойти со мной.

На мордочке Тиары Ингред появляется саркастическая усмешка:

– Какое заманчивое предложение. Но знаешь, я все же пас. Я помню, что ты сделала с Дэш Хоул, и мне как-то не улыбается ощутить вкус свободы, после чего получить ножом в горло.

Дэш начинает трясти. Она глубоко вздыхает. Трижды. Наконец, успокаивается и продолжает:

– Я предлагаю тебе не свободу.

– Ну конечно, – фыркает земнопони, чей нежно-розовый цвет не вяжется со шрамами и холодным взглядом профессионального бойца. – Тот, кто сам не свободен, не может предложить это другим.

Она ждет, что Дэш Вендар бросится в драку, войдя в пределы действия цепи, но радужная пегаска продолжает, с видимым усилием сохраняя спокойствие.

– Я предлагаю тебе месть. Если ты пойдешь со мной, то нас – да, Ингред, именно нас – ждет возможность поквитаться с Маусом за все, что он сделал. С тобой. Со мной. С остальными.

Даймонд Тиара задумывается, потом говорит:

– Звучит заманчиво. В чем подвох?

Дэш не отпирается:

– Скорее всего, мы умрем. Ты – так уж почти наверняка, судя по твоему таланту влипать в неприятности.

На мордочке земнопони расплывается улыбка, обнажая прореху в зубах: очевидно, кто-то из клиентов был весьма груб и настойчив.

– С этого и надо было начинать, Вендар. Показывай дорогу. Только не забудь что-нибудь сделать с моей цепью…

– О, без проблем, – пегаска улыбается и показывает связку ключей охранника. На хромированном металле поблескивает что-то красное…

…Уже знакомая светлая комната, но теперь в ней сидят пятеро: четверо пони и одна девушка. Тиара пристально всматривается в карты в течение нескольких минут, и остальные присутствующие ей не мешают.

Наконец, розовая пони тяжело откидывается на диване:

– Нет.

Девушка и земнопони дружно восклицают:

– Нет?!

Тиара награждает их тяжелым вглядом:

– Вы мне показываете какую-то тарабарщину. Я не картограф и не состояла в клубе юных скаутов. Для меня эти линии и цифры не значат ничего. Я помню сколько шагов надо было пройти в том или ином направлении. Я помню где находились решетки и камеры. Но я не могу объяснить все вот по этому.

В прошлый раз у меня на карте был помечен маршрут, а без пометок все пути похожи друг на друга.

Она трясет в воздухе планшетом с картой.

– Я же говорила, – подает голос Рейнбоу Дэш. – Она бесполезна.

Земнопони огрызается:

– Так же как и ты, Вендар. У самой-то мозгов не хватает, чтобы составить план дальнейших действий. Небось все, на что тебя хватило, так это пойти и атаковать в лоб?

Девушка и молчаливый пегас еле успевают перехватить Дэш, которая вскакивает с места:

– Ты ходишь по охрененно тонкому льду, Ингред! И когда этот лед треснет, там тебя буду ждать я!

Губы Даймонд Тиары в кои-то веки растягиваются в улыбке:

– В любое время.

Вмешивается девушка:

– Ну хватит, вы обе! Ведете себя как малые дети… жеребята… которые не могут игрушку поделить. Повзрослейте, наконец! Дело и без того обещает быть опасным, а вы тут еще друг дружке в глотку готовы вцепиться!

Тиара усаживается обратно за стол со словами:

– Окей. Извини, Вендар, за то, что назвала тебя некомпетентной дурой.

Дэш, стряхнув с себя человеческую руку и копыта каурой, возвращает любезность:

– Извини, Ингред, за то, что назвала тебя жеребенком с синдромом дауна.

– Да что ж такое! – возмущается девушка, но каурая поняша предпочитает вернуть разговор в конструктивное русло:

– То есть карты бесполезны?

Даймонд Тиара кивает:

– Да. Как для меня, так и для вас. В противном случае вы бы ими уже воспользовались.

– Хорошо, – не унывающим тоном легко соглашается земнопони. – Тогда ты идешь с нами.

Тут уже розовая пони не выдерживает:

– Дискорда-с-два я туда с вами пойду!

Каурая как будто искренне удивляется:

– Но один раз же получилось!

Тиара еле сдерживается, чтобы не залепить себе смачный фейсхуф:

– Где вы нашли это инфантильное нечто?

Дэш Вендар улыбается было понимающе, но потом быстро натягивает свою прежнюю маску:

– Попридержи язык! То, что ты разучилась улыбаться, еще не значит, что другие не могут.

Судя по тому, как изменяется выражение мордочки розовой пони, это задевает Тиару. Очень сильно. Кажется, даже влага в глазах блестит, но мгновенно высыхает.

Земнопони же удивленно смотрит на Дэш, которая до этого не проявляла подобных заступнических качеств по отношению к ней.

Даймонд Тиара, совладав с собой, говорит:

– В любом случае с тобой, – она показывает на Дэш копытом, – я не пойду…

– …Ну и что это? – сварливо спросила Рейнбоу Дэш, отворачиваясь от подступающих со всех сторон видений. – Ты сказала, что Маус подохнет в той вероятности, и при этом показываешь мне Ингред? Я на нее насмотрелась еще при жизни!

Говоря так, Дэш как будто заново взглянула на собственную соперницу.

И вдруг увидела собственное отражение: пони, душу которой разбили на миллион осколков. Но при этом та нашла в себе силы мстить.

Подумалось, что если бы пришлось встретить на Пути еще и ее, то это точно кончилось бы дракой. Хотя Дэш теперь внутренне и сочувствовала Даймонд Тиаре Ингред, но извиняться не стала бы. Из принципа.

Хранитель, видимо, по-своему истолковала молчание пони, потому что пояснила:

– Одна из вас заберет его жизнь.

– Что это значит?

, Рейнбоу Дэш. Ни будущего, ни даже прошлого. Объективная реальность конкретного инди

– Лишь то, что все зависит от дальнейших решений, как той, другой тебя, так и ее.

Пегаска, снова почувствовав раздражение, помотала головой:

– У меня складывается впечатление, что требуя ответы, я получаю лишь новые вопросы…

– Ничего предопределенного не существует вида движется по ветви развития событий в зависимости от выбора, но это не значит, что остальные варианты исчезают в небытие после этого. Ответ на вопрос расширяет твой кругозор, но при этом…

Дэш страдальчески закатила глаза:

– Пощады!.. – она сделала паузу и посерьезнела. – Хорошо, я прямо спрошу. Без всей этой ерунды с выбором и прочим. Покажи, что стало с Маусом в мире, где я умерла. Захватил власть?

– Боюсь, что и тут ты ошиблась.

Образы вокруг изменились от сияния рога аликорна, и Дэш даже поежилась от холода, который существовал только там, в видении…

…Антарктида. Единственный континент, который не был заселен даже после того, как вечные льды ощутимо просели, обнажив местами довольно богатую ресурсами скалистую землю.

Земля Королевы Мод. Глобальная тюрьма смешанного режима «Азерот».

Темнота одиночной камеры, рассеиваемая лишь мерцанием экрана монитора. Обычно темнота – часть наказания в карцере, но нынешний обитатель давно привык к ней и всегда просит выключать свет.

А монитор хоть и ограничен в доступе и скорее напоминает функционалом телевизор, все же позволяет преступникам наблюдать за свободным миром.

Если они, конечно, хорошо себя ведут.

Открывается дверь, и голос, искаженный динамиками шлема охранника, произносит:

– Номер 4799-3319-6666! На выход! Посетитель.

Брови заключенного лишь на мгновение дергаются вверх. Посетитель – здесь? У него? Это, по меньшей мере, странно. Встреча с юристом или следователем вроде бы не намечалась, а больше ни у кого нет резона наносить визиты.

Но спорить нет смысла, да и шевелится в груди любопытство.

Несколько дверей и решеток. По мнению узника – совершенно бессмысленные предосторожности: бежать отсюда некуда. Кругом – ледяная пустыня, где даже летом снег не тает. Из всей одежды у заключенных только роба. Стратотранспорт с продовольствием прилетает раз в полгода, и захватить его тоже нет никакой возможности: контейнеры с едой и вещами скидывают на парашютах, равно как и новых заключенных в капсулах.

А даже если предположить, что кому-то удастся взлететь и каким-то чудом проникнуть в бронированный кокпит, системы защиты тюрьмы «Азерот» просто собьют неуклюжий корабль.

Зал свиданий невелик. Попавшие сюда – изгои общества, одинокие заблудшие души. У них нет родственников и друзей, разве что иногда к кому-то прилетает следователь или адвокат. В первом случае – предложить сотрудничество с властями, во втором – в тщетной, как правило, надежде облегчить участь.

За силовым полем, отгораживающим островок свободы, на стуле сидит серая пони в строгом синем костюме. Перед зелеными глазами – голографический интерфейс визора, русая грива

забрана в хулиганско-деловой хвост.

– Привет, шеф, – усмехается Литлпип Вислер. – Отлично смотришься.

Заключенный с длинным номером, в прежней жизни носивший имя Микки Маус, даже сейчас не потерял самообладания.

– Привет, Литлпип, – сказал он и даже немного удивился звукам собственного голоса.

Здесь, в ледяной тюрьме, заключенным разрешалось говорить очень редко. А в камере вообще не было смысла.

– Я, я, – закивала пони и сделала приглашающий жест. – Садись, есть разговор.

Микки Маус, подавив старческое кряхтение, уселся на стул по другую сторону силового поля. Всего лишь несколько лет, проведенных в этих стенах, изменили когда-то могущественного мистера М. Белоснежный костюм сменился серой робой, мыш осунулся и постарел. Хотя глаза по-прежнему смотрели цепко и зорко, и за ними светился все тот же незаурядный ум.

Пока.

Изменилась и Литлпип.

С ее мордочки куда-то исчезла извечная дурашливость, хотя и не до конца. Потертый комбинезон «Стейбл-Тек» сменился элегантным жакетом и юбкой.

Микки Маус давно в курсе, что Литлпип возглавила конгломерат «Синтезис» после того, как сдала его, мистера М, властям.

Но давно не сердится на нее.

Он молча смотрит на бывшего секретаря. Вопросы вертятся на языке, но он не доставляет собеседнице удовольствия и тщательно изображает безразличие.

– Шеф, я хотела спросить тебя, – говорит Литлпип, кладя на стол копыта. – Я порылась в твоих бумагах и не понимаю одного – ради чего все это? Конфликты, посредничество… Проект «Пророк». Уж от кого не ожидала. И хотя в целом я врубаюсь, но мне непонятна конечная цель. Зачем тебе тот дурацкий проект профессора Спаркл Агилар? Вроде как ты не склонен был к таким венчурным вложениям… А сотрудничество с этими психами из «Паучьей Сети»?

– Моя дорогая, – улыбается мыш, крутя в руках брелок в виде черной корявой фигурки с

рогами. – Если я расскажу тебе, то ты никогда мне не поверишь и решишь, что старый мыш вконец спятил среди льдов в поисках смысла. Считай, что хаос – моя цель, хотя по сути и он – всего лишь средство. Поверь, ответ лежит на поверхности, но ни ты, ни кто-либо еще, неспособен уловить глубокий смысл. Мне не о чем говорить с тобой. По крайней мере, пока мир еще не окончательно рухнул.

С этими словами Микки Маус встает и явно собирается уйти.

– Я могла бы похлопотать за тебя, – говорит Литлпип, но бывший шеф только презрительно кривится:

– Я не собираюсь… как это… «сотрудничать». Мне доставляет куда большее удовольствие сидеть тут, в тишине среди снегов, и спокойно наблюдать, как вы, дорогие мои борцы со злом, шаг за шагом… хе-хе… воплощаете МОЙ план…

Недоумение на мордочке пони переполняет душу мистера М злорадным восторгом, хотя внешне он остается невозмутим.

До смерти захотелось развить успех, и старый мыш наносит расчетливый удар:

– И прими мои соболезнования насчет Алекса. Грустно, когда родители переживают детей.

Литлпип вздрагивает. Да, до самообладания Мауса ей, как существу эмоциональному и подверженному сентиментальности, куда как далеко.

– От…откуда ты знаешь? – выдавливает пони.

Микки Маус за силовым полем находится в полной безопасности. Но оставить поняшу в неведении не менее сладко, чем рассказать правду:

– Куда интереснее смотреть, как вы все пытаетесь понять то, что понять не в состоянии, – говорит мистер М и наклеивает на лицо самую мерзкую ухмылку из своего арсенала.

– Долби тебя Селестия рогом! – не выдерживает Литлпип. – Говори уже толком, Дискорд тебя побери!

Губы Мауса трогает знакомая самодовольная улыбка. Он коротко отвечает:

– Нет.

– Нет?! – Литпип по ту сторону прозрачной стены вскакивает. – Знаешь что? Да пошел ты к

такой-то матери!

На крик заглядывает охранник: мордоворот со штрих-кодом на щеке. Синтет, хотя в современных условиях это уже не имеет значения. По крайней мере, юридически.

– Свидание окончено, – говорит мистер М молчаливому охраннику и встает, протягивая руки для наручников. – Отведи меня обратно в камеру, драгоценнейший страж.

Литлпип еще хочет что-то сказать, но осекается.

Действительно, чего еще она ожидала? Что мистер М раскается? Изменит жизненные приоритеты? Тот, кто с улыбкой наблюдал за ядерным грибом, первым за полтора века поднявшимся над планетой?.. Над городом, полным горящих заживо разумных существ?

– Какая же ты тупая кобыла, Литлпип, – говорит единорожка сама себе, потом вдруг зло вскидывает взгляд на дверь, за которой скрылся Маус. – Чтоб ты сгнил тут, крыса!

Она потом выходит на антарктический мороз, где на площадке ее ждет скоростной флаер, за штурвалом которого сидит Серьезный Сэм.

Когда прозрачный колпак кабины закрывается, человек коротко целует начальницу в заиндевелый от дыхания носик, вызвав довольный фырк.

– Как все прошло? – спрашивает здоровяк.

Та только машет копытом:

– Забудь. Маусу доставляет удовольствие наблюдать, а не подсказывать. Полетели.

Черная полированная машина взлетает и устремляется в пронзительную синеву полярного дня. Литлпип, несолидно прилипнув мордочкой к кабине, шепчет вполголоса:

– А вот хрен тебе, старый крыс. Не для того горстка идеалистов перевернула этот мир. Хаоса – не будет…

Рейнбоу вдруг подумала, что поняла, кого этот тинейджер-единорог, Алекс, ей напоминал.

Ту, с кем у Дэш чуть было не приключился роман.

И если бы Рейнбоу слушала и слышала то, что говорила сперва Литлпип, а потом ее сын (наверняка приемный, но было плевать), то могла бы сильно облегчить свою ношу еще в начале пути и не терзаться муками совести хотя бы по одному вопросу…

Но лазурная пегаска с обугленной душой тогда слышала лишь себя одну…

– Вот же ж, – сказала Рейнбоу вслух, чувствуя себя донельзя глупо. – Так тот единорожик был не случайной встречей?

– Не был, – согласилась аликорн. – В Мире Дорог вообще нет случайностей, как ты, наверное, поняла.

– Теперь многое встает на места. Он ведь мог бы мне о многом рассказать, да?

– Да. Вас разделяют года того мира, из которого ты пришла. У тебя было бы куда меньше вопросов. И немного больше веры. Алекс мог бы поведать, что на тебя не держат зла. И что через какое-то время, когда был заложен монумент Героям Великой Хартии, на постаменте нашлось место и для…

– Что?! – опешила Дэш. – Мне поставили… памятник?

– Не тебе одной, но… да.

– А кому еще?

– Элен Флаис и Гайке. Тем, благодаря кому Великая Хартия Синтетов стала вообще возможна… Кто согласились принять нелегкую ношу живого символа. И, как следствие, стать целью для ненависти миллионов. Мертвые же, как известно, сраму не имут… Мы, кстати, пришли.

Аликорн снова остановилась. Пегаска же, сделав по инерции два шага, тоже встала и задалась вопросом, когда это они успели дойти до высоких резных дверей без всякого подобия ручки.

– И… что там? – спросила пони, не отрывая взгляда от белого дерева, по которому вился красивый золотой узор.

Селестия улыбнулась и сделала жест крылом:

– Заслуженная награда.

Рейнбоу оглянулась на аликорна и сощурилась:

– Э, нет. Ты еще не показала мне Гайку.

– И впрямь, – Хранитель свернула крыло, и уже дрогнувшие было створки вернулись на место. – Прости, пожалуйста…

– Давай-давай, – проворчала Дэш. – Я хочу видеть, что там с ней, раз уж нельзя попрощаться. И вообще, у меня еще куча вопросов.

Хранитель показала крылом на одну из колонн, и Рейнбоу даже подошла поближе. Она, конечно, допускала, что в колоннах может быть показано что угодно. Но вроде как этой фальшивой принцессе Селестии было незачем врать. Хотя и мотивы ее были неясны, так что все могло быть.

В кристалле проступил пасторальный пейзаж: цветущий луг под голубым небом, далекая гора, возвышающаяся над лесом.…

Вскоре Рейнбоу сумела различить архаичного вида то ли монастырь, то ли крепость – Дэш никогда не был сильна в истории.

Наконец, стало видно задумчиво бредущую сквозь густую траву Гайку. Мышка выглядела растерянной, видимо, не была готова к тому, что встретит внутри Шпиля.

Дэш нахмурилась. Что-то было не так с этим всем. И дело было даже не в том, что все это походило на уголок живой природы, и даже не антикварный вид здания…

Потом пегаску осенило.

Трава казалась высокой, но была по колено антропоморфной мышке. И все вокруг: дорожка, цветы, деревья – все выглядело миниатюрным, если вспомнить фактический рост Гайки.

– Кажется, кто-то подрос, – усмехнулась Дэш этому наблюдению.

– Не совсем, – отозвалась Хранитель, но ничего не уточнила, а пегаска не стала выяснять.

Потому что там, в видении, Гайке навстречу вышел маленький антропоморфный мыш, совсем еще мышонок, одетый в великоватую монашескую рясу.

Судя по всему, он куда-то спешил, и не ожидал кого-то встретить на лугу.

Обоюдное замешательство длилось недолго: мышонок поклонился и о чем-то заговорил. Звука не было, но судя по выражению мордочки, реакция мыша-подростка была далека от

негативной: ни страха, ни агрессии.

Гайка что-то ответила, а ее собеседник махнул рукой в сторону монастыря и протянул руку.

Мышка, подумав, все же приняла предложение, и вскоре обе фигуры стали двигаться в сторону, с которой пришел мыш. Теперь было видно, что новый попутчик ростом Гайке где-то по плечо, но Дэш списала это на его молодость.

– Видишь, – сказала Хранитель, – ей ничего не угрожает. Она попала в место, где сможет обрести мир с самой собой. А еще – встретить новых друзей, приключения и, как знать, может быть, даже свою судьбу…

– А что это за место?

– Одно отдаленное аббатство. Не в этом мире, в другом.

– Как бы оно ни было отдалено, – уверенно заявила Дэш, – человеки туда придут и все испоганят.

Хранитель улыбнулась, и видение, подчиняясь свечению рога, погасло.

– Дело в том, – пояснила аликорн, – что в том мире нет людей. И никогда не было.

– И надеюсь, не будет, – буркнула Дэш. – Мне ведь придется поверить тебе на слово, да?

– Придется, – кивнула Хранитель, нимало не смутившись.

– А… если я драться буду? – поинтересовалась пони на всякий случай.

Не то чтобы она хотела действительно накинуться на аликорна, но природная ершистость взяла верх.

Хранитель это, похоже, прекрасно знала, потому что только беззлобно рассмеялась и ответила:

– Боюсь, это тоже мало поможет.

Дэш упрямо топнула копытом:

– Тогда я сваливаю, ясно?! Без Гайки я никуда дальше не пойду!

– Дальше и не требуется, – спокойно продолжила аликорн, не прекращая улыбаться.

Как взрослый перед гневом ребенка.

Рейнбоу Дэш расправила крылья, готовясь взлететь, но была остановлена голосом «Селестии»:

– Пространство внутри Шпиля замкнуто, Рейнбоу. Куда бы ты ни полетела, вернешься сюда. Впрочем, если хочешь убедиться сама, я тебя не держу.

Пегаска подумала, что если сейчас кинется в полет, то в случае правоты Хранителя будет выглядеть полной дурой. А такой расклад выглядел наиболее вероятным.

Лазурные крылья сложились.

– Кстати, о полетах, – сказала Рейнбоу, бросив на Хранителя недоверчивый взгляд. – Мне вот интересно, а если бы тогда, в клинике, я бы согласилась бросить Гайку и Олли? Выкинули бы меня из этого мира, как ненужную вещь?

– Почему ты так решила? – уточнила Хранитель.

– Да потому что всю жизнь у меня что-то забирали! И вот, когда я попыталась вернуть свое, с меня опять потребовали плату!..

– На самом деле, все проще и сложнее одновременно. Ты, безусловно, получила бы свои крылья назад.

– Но? – спросила Дэш.

– Но твой Путь бы увеличился многократно. Ведь ты бы пошла против своей природы. Причем дважды.

– Это как так?

– Против природы элемента Верности и против природы эквестрийской пони.

Рейнбоу задумалась на несколько секунд, потом проговорила:

– Ладно, насчет первого я врубилась. А что там насчет моей понячьей природы?

– Ты долгое время продолжала бы осознавать себя как синтет. Но этот мир вносит свои

коррективы.

– Но я и есть синтет! Меня создали в БРТО искусственным путем, и искусственным существом я и остаюсь.

– Ты – душа, помнишь? А душа искусственной быть не может.

Дэш смущенно замолчала. Эту мистику крыть было нечем. То есть вообще.

– Ты можешь хоть записку Гайке передать? – спросила Рейнбоу, наконец. – А то как-то и впрямь расстались неожиданно…

– Нет, – улыбка аликорна стала шире. – Я могу открыть дорогу в мир, но не могу туда путешествовать, бросив свой пост. Да и как ты это себе видишь? Ведь Гайка захочет написать ответ, а знаешь сколько существ прошло через Шпиль?.. И что, все они начнут переписываться между мирами?

Пегаска почесала в затылке. Этому Хранителю вряд ли был резон превращаться во вселенского почтальона, тут она была права, но все же какое-то чувство недосказанности не давало покоя.

– А что такое аббатство? – наконец, спросила Дэш. – Выглядит это как монастырь какой-то из книжки.

– Ты почти угадала. Это фактически одно и то же. Подробности не важны, но, в сущности, это обитель монашеского ордена мышей и прочих существ, где никому не будет отказано в приюте и утешении.

– Хотелось бы верить, – вздохнула Дэш, потом вдруг встрепенулась. – Погоди-ка, а что ты там говорила насчет спасения мира?

– Тот кейс, о котором я упоминала, стал ключом к целой серии событий. Гайка участвовала в них и могла бы тебе рассказать, но главного не знала и она.

Дэш подумала и вроде как даже вспомнила что-то такое, рассказанное попутчицей на привале. Но, как и многое в начале пути, пропущенное мимо ушей.

Стало как-то неловко, но Дэш решила этого не показывать и поспешила сменить тему. Как бы ни было любопытно узнать о судьбах мира.

– Вот еще что, – решительно сказала она. – Покажи мне то видение из поезда.

Хранитель снова улыбнулась, видя уловку пони насквозь:

– Оно ненастоящее, ты же знаешь…

– Покажи! – уперлась пегаска. – Пусть Алекс исчезнет в тот день, когда я проиграла бой, пусть одумается, пусть… не знаю что! Я хочу увидеть будущее, в котором его нет!

– Даже Твайлайт Спаркл была не так любопытна, – с улыбкой заметила аликорн.

– Тебе жалко что ли?! – надулась Дэш, стараясь отогнать размышления о том, какую именно Твайлайт имела в виду Хранитель.

– Что ж… Почему бы нет, на самом деле.

Рог Хранителя осветился, и в ярком свете вновь проступил оставленный за спиной мир…

…Бледно-голубой пегас просыпается от того, что хозяин и друг, Бартош Пишчек, трясет его за плечо.

– Проснись, Соарин, – говорит человек. – Тебя к телефону.

– Что? – сонно моргает пегас и бросает взгляд на часы. – Кому там неймется в три часа ночи?

– Рейнбоу Дэш. Избитая и в слезах. Кажется, это Вендар, которую сегодня грифон отделал в чемпионской лиге.

Пегас, не говоря больше ни слова, подскакивает и бежит в соседнюю комнату. На экране стационарного коммуникатора – зареванная мордочка радужной пегаски-подростка.

– Дэши! – в голосе Соарина неподдельное беспокойство. – Что случилось?

Слезы пегасочки текут с новой силой:

– Соарин… – всхлипывает она. – Я не знаю что делать… Алекс, он… он…

– Что? Что он сделал?!

Пегас сейчас готов разорвать Алекса Вендара. Если только он что-то посмел сделать Дэш…

– Он умер! – выкрикивает пегаска, судя по всему, в полной панике. – Он разозлился ужасно, что я проиграла, и хотел меня наказать. Так кричал… Но вдруг упал и больше не двигался!.. И пульса у него нет!

– Вызови медиков и жди нас с Бартошом, – решительно говорит пегас, переглянувшись с другом. – Мы сейчас будем…

…Двор дома Алекса Вендара заполонили проблесковые огни и флаеры. Медслужба, полиция, и один гражданский, принадлежащий Бартошу Пишчеку.

Зареванную, уколотую успокоительным Рейнбоу сперва допрашивают следователи, затем – представители муниципалитета. Родственники Алекса не хотят оставлять радужную пегаску у себя, но и не заявляют на ее эвтаназию, и с этого момента Дэш Вендар предоставлена сама себе.

Бартош Пишчек подходит к флаеру, где сидит Соарин, обнимающий крылом все еще всхлипывающую Рейнбоу с чашкой горячего какао в копытах…

Когда человек подходит, пегас поднимает ему взгляд навстречу.

– Бартош, – говорит он, – можно пока Дэши поживет у нас?

– Конечно, – отвечает тот и обращается к лазурной пегаске. – Ты же не против?

Вихрастая голова с опущенными ушами только грустно кивает. Не верится до сих пор, что она осталась одна. Без каменной и холодной стены, которой был Алекс, защищавший ее от всего в этом огромном мире…

– Не грузись, – советует ей Соарин. – Поверь, жизнь не состоит из тренировок и муштры.

– Угу… – только и выдавливает пегасочка.

– Мы с Бартошом тебе поможем определиться, – продолжает жеребец, – а там… там ты сама решишь, что для тебя лучше.

…Клуб «Пони-Плей».

В холле, кутаясь в теплый плед, сидит рыжая пегасенка, ждущая своего кумира.

Когда в очередной раз открывается дверь, с мороза в облаке пара входят трое. Худой человек в универсальном комбинезоне жителя Шпилей, бледно-голубой пегас в теплой ветровке и джинсах, и… Рейнбоу Дэш. Почему-то Скуталу кажется, что это именно та пегаска, которую она ждет.

Пони о чем-то со смехом обсуждают, а человек говорит по коммуникатору.

– Рейнбоу Дэш! – кричит малышка и, скинув плед, кидается навстречу своему кумиру.

Та заключает подбежавшую пегасенку в объятия и говорит:

– Привет, мелкая… Джеки сказал, ты ищешь самую крутую, самую настоящую Рейнбоу Дэш?

– Да… Да! ДА! – если бы рыжий моторчик мог, то прыгал бы от восторга.

Но в объятиях Дэш Скуталу только вжимается мордочкой в грудь пегаски, не в силах сдержать чувств.

Радужногривая пони поднимает взгляд на Бартоша. Тот, пока еще не отрываясь от коммуникатора, кивает.

– Что ж, – усмехается Рейнбоу Дэш Вендар и взъерошивает крылом сиреневую гриву, – ты ее нашла.

Скуталу еще крепче вжимается в объятия названной сестры и чувствует, как глаза противно щиплет.

– Я нашла тебя… – эхом шепчет пегасенка еле слышно.

Подает голос Бартош, закончивший разговор по коммуникатору:

– Мистер М поможет переоформить Скуталу на меня. С условием, что ты, Дэши, продлишь на год контракт с Ареной.

Радужная пегаска улыбается и кивает:

– Ну что ж… если это нужно.

– Мне это не нравится, – говорит Соарин. – Мы же хотели сразу уехать, как кончится твой контракт. Другого способа нет?

– Законного – нет, – отвечает Бартош. – Скуталу юридически принадлежит прежним хозяевам, которые сейчас думают, что утопили малышку в реке.

– Уедем на год позже, какая разница, – машет копытом Рейнбоу Дэш. – Скажешь, оно того не стоит?

Соарин бросает взгляд на висящую на шее любимой кобылку и говорит:

– Стоит. Еще как стоит…

…Внутри прозрачной трубы, что на опорах возвышается над Атлантикой, несется маглев. Там нет воздуха, поэтому поезд развивает неимоверную скорость. Если бы не гравикомпенсаторы, пассажирам бы пришлось несладко во время ускорения и торможения, но сейчас перегрузки попросту пожираются фантастической машиной.

В купе сидят пятеро. Трое пони и два человека: молодой мужчина и небольшого роста девушка с латиноамериканскими чертами.

Пони только что спели какую-то песенку и теперь беззаботно смеются. Все они едут в Американский Гигаполис, где собираются осесть в Зеленом Секторе. Одной большой семьей, которую пони в шутку зовут «табун».

Софи льнет к любимому и мурлыкает на ушко:

– Смотри на них, Бартош… Как они счастливы втроем. Может, и нам нужен третий, как считаешь?..

Рейнбоу Дэш слышит это и улыбается еще шире. У нее в волосах – серо-голубое перо Соарина, а у того за ухом – лазурное.

Они обвенчались недавно. Бартош даже приглашал ради этого принцессу Селестию из какого-то другого клуба. Сразу после того, как оформил всем троим пони зеленую регистрацию. Впрочем, узы дружбы держали пони рядом надежнее любых юридических формальностей, и оба человека знают это.

Обязательства Рейнбоу Дэш Пишчек, в девичестве Вендар, закончились, и дело сразу пошло к свадьбе. Пегаска, конечно, сперва побаивалась и нервничала, но, в общем и целом, удалось удивить всех завсегдатаев «Пони-Плея», когда многократная чемпионка юниоров и однократная – высшей лиги, вдруг на пике карьеры подала в отставку и – немыслимое дело! – выскочила замуж за скромного пегаса, даже на Арену выходившего редко и лишь на самые «мягкие» матчи.

Впрочем, к этому шло давно.

Соарин всегда был рядом с Дэш, когда той требовалась поддержка. Они с Бартошом приютили пегасочку, когда та оказалась одна на улице, и теплое чувство благодарности и привязанности закономерно переросло в нечто большее…

Так что для близких друзей – Бейн Блейда Престона, Спитфаер Хэнкок и Рейнбоу Дэш Хоул – все это не стало неожиданностью, равно как и официальное удочерение Скуталу…

…Дэш выныривает из воспоминаний, когда Соарин слегка кусает ее за ушко под веселое хихиканье Скуталу:

– Не спи, Дэши, замерзнешь! О чем задумалась?

Лазурная пегаска со смехом освобождается и говорит:

– О том, что все хорошо заканчивается…

Поезд летит навстречу новой жизни для всех, и все пятеро сейчас – просто счастливы…

…Неожиданно видение отдаляется, как будто наблюдатель взлетает все выше и выше… Пока не выходит на околоземную орбиту.

Длинная ажурная конструкция, к которой пристыкован десяток огромных кораблей.

Станцию «Исхода» видно с Земли невооруженным глазом, но обывателю всегда было наплевать. К тому же, далеко не везде звездное небо видно из-за плотности застройки, иллюминации или голографической рекламы.

Теперь же наступал конец старому миру. Когда «Ковчеги» вернутся, на их борту будет новая раса сверхлюдей, которая заменит собой тихо вымершее, больное общество.

В рубке станции находится несколько человек. Разлито шампанское, и Ричард Оуэнс произносит торжественную речь.

Когда же бокалы пустеют, церемония старта начинается. Ричард Оуэнс торжественно отдает команду, и серые громады кораблей один за другим отходят от причалов, чтобы пуститься в свое длительное странствие…

Зрелище по-своему величественное, но и жуткое при этом, когда…

…Когда пришло понимание, что корабли эти – воплощение смертного приговора для привычного мира…

– А это ты зачем показала? – спросила Дэш, оторвавшись от зрелища. – Это же… типа, через много лет, да?

– Да, – кивнула Хранитель. – Когда Ковчеги стартуют, тебя и Соарина уже нет в живых, и Скуталу совсем взрослая к этому времени. Не сказать даже, «пожилая». Просто если бы все случилось так, как в видении, Скуталу не встретила бы Джерри, не украла бы чемоданчик с данными проекта «Оверлорд», и план БРТО бы с блеском удался. Не было бы ни встречи с Лирой Хартстрингс Стюарт, ни битвы с судьей Роком…

Рейнбоу опустила голову и глубоко задумалась. Потом перевела взгляд на отлетающие в глубины космоса «Ковчеги» и сказала:

– Вот же сено… то есть если бы я была счастлива, то Земле хана?

– С планетой все осталось бы в порядке, – говорит аликорн. – А вот разум бы с нее исчез.

– Почему? – Дэш показала на колонну с затухающим видением. – А это?

Хранитель покачала головой, прикрыв глаза:

– Они не вернутся. Кого-то найдет шальной метеорит, целых три упадут на планеты-гиганты, попав в гравитационную ловушку из-за ошибки в расчетах, у двух будет системный сбой, отключивший систему жизнеобеспечения, а один не сможет вернуться и будет дрейфовать в открытом космосе целую вечность. Еще один достигнет пригодной для жизни планеты, но большую часть тех, кто проснется, поразит безумие, и корабль пролежит на дне инопланетного океана много времени, постепенно теряя свой драгоценный груз. Когда же немногочисленные оставшиеся люди все же пробудятся, их будет слишком мало, а многие знания землян – утеряны. Начало новой цивилизации, но печальный конец старой.

Лазурная пегаска молчала очень долго.

Хранитель терпеливо ждала, и, наконец, Рейнбоу сказала, сдерживая очередной поток предательских слез:

– Что ж… раз за второй шанс для мира должна была мучительно сдохнуть одна Рейнбоу Дэш… пусть так. Я согласна…

– Значит, ты более чем достойна награды, – подвела черту ненастоящая Селестия, – раз даже в такой момент думаешь о других.

– Опять испытания, да?

– Ты сама настояла на этом, забыла? – Хранитель подмигнула.

Дэш усмехнулась и откинула ото лба отросшую челку:

– Подумать только. Я – тайный спаситель человечества, о подвиге которого никто, лягать, и не узнает… – на мордочке пегаски расплылась самодовольная улыбка, знакомая миллионам. – Да я просто эпически потрясна!

Действительно, теперь в понимании Дэш многое становилось на свои места. Например, почему ей предоставили второй шанс, и за что.

С другой стороны, тут возникал другой вопрос.

Пегаска снова подняла глаза на солнечную пони, которая терпеливо ждала, пока Рейнбоу Дэш насладится чувством собственной крутизны.

– Я видела судью Рока, – сказала Дэш. – Что это чудовище делает здесь? Или он тоже способен… что-то осознать? Вот эта машина для убийства?

Но у Хранителя, казалось, на все был готов ответ:

– Многие, кто оказываются в этом мире, совершали дурные и страшные поступки в прошлом. Но были и другие их дела, благодаря которым они и попали сюда. Вспомни попутчика из поезда.

– И какие же это дела?

– Иногда – один-единственный шаг в сторону добра, чтобы получить шанс что-то изменить в себе.

– Судья Рок сделал в своей жизни что-то доброе? – пегаска недоверчиво подняла бровь. – Да ни в жисть не поверю.

– Когда ты узнала о том, что в Мире Дорог убийство повлечет неотвратимые последствия, это не была фигура речи или метафора. Многие могут получить шанс попытаться вновь осознать себя… или же сорваться и исчезнуть. Кстати, спасибо, что помогла Ловчему. Без тебя бы он не решился, а теперь уверенно ступил на тот же Путь, что прошла ты.

– Хей, не сравнивай меня с этим пугалом!

– Тем не менее, это отчасти объясняет, почему и ты здесь, Рейнбоу Дэш. Твоя жертва спасла не только Скуталу, Лиру и остальных, но и тебя саму.

Дэш закусила губу. По словам Хранителя, больно гладко уж все выходило, хотя по собственному мнению Рейнбоу это было чередой случайностей. Как минимум, по большей части.

И хотя из чувства упрямого протеста хотелось найти какую-нибудь отличную от озвученной Селестией версии, ничего не получалось.

Дэш сказала:

– Я заглядывала в глаза Рока. Он был полным безумцем.

– Уверена, эти же слова в отношении тебя с уверенностью повторила бы Скуталу на том заброшенном заводе. Но, как я уже говорила, ты оказалась сильнее этого, и это поистине повод гордиться.

– И что же такого смог сделать Рок? – спросила Дэш так недоверчиво, что стало ясно: ни одному аргументу она не поверит.

– Изволь убедиться сама, – аликорн снова показала крылом на колонну, засветившуюся уже знакомым светом, предваряющим образы…

…Где-то в Сером городе, но в благополучном и довольно дорогом районе.

Обычно в этой квартире слышны взаимные крики и обвинения, но только не сегодня.

Сегодня взрослые люди чувствуют небывалый подъем, а их сын-подросток только этому рад: ведь мама с папой передумали разводиться.

Но вот раздается звонок в дверь, открыв которую хозяин квартиры видит на пороге судью Рока. Улыбка на лице человека немного блекнет, но потом он успокаивается, потому что Рок является другом его сына-подростка.

Конечно же, работающий синтет пришел именно к сыну, но, как вскоре выясняется, нет.

Все четверо собираются на кухне. И атмосфера царит достаточно дружественная: Рок, прислонившись к подоконнику, пьет чай и пока что молчит, сын-подросток ест хлопья: ранее

утро, и ему надо убегать на учебу, а в глазах немолодой уже пары появилась угасшая было страсть.

Наконец, судья прерывает затянувшееся молчание:

– Что же мне с вами делать?

Взрослые вздрагивают, а парень переводит непонимающий взгляд с родителей на Рока.

Глава семейства пытается начать:

– Мы не…

Синтет перебивает:

– Не будете все отрицать. Это облегчит мне работу. Вчерашний вечер, припоминаете?

Мужчина и женщина заметно бледнеют, а Рок продолжает:

– Никогда этого не понимал. Совать нос, куда не просят, и проявлять ненужное любопытство. Зачем?

Мужчина начинает что-то возражать, но судья продолжает непринужденно пить чай. Женщина же накрывает руку мужа своей и тихим голосом говорит:

– Расскажи ему.

И тогда мужчина рассказывает о том, что их брак давно дал трещину, и дабы хоть как-то его спасти и разрушить все беспочвенные предположения жены, он провел ту к себе на работу.

Рок лишь качает головой, отставляет чашку и произносит:

– Люди.

Потом женщина перебивает и говорит, что, дескать, да, после всего увиденного в них заново загорелась страсть. И они после этого занялись любовью прямо там, на биофабрике, и что не такое это уж преступление.

Парень краснеет, а Рок качает головой и уже собирается уходить.

Видимо, решил все же прикрыть людей, которые позволили себе вольность. Ведь они не сделали ничего предосудительного?

Но потом мужчина и женщина начинают горячо обсуждать, что же они увидели в одном из закрытых помещений. В частности, том, куда влезли из праздного любопытства.

Отец между делом бросает, что совершенно не представляет, зачем на биофабрике такие вычислительные мощности.

Рок оборачивается и спрашивает:

– Видели приемник для массива данных?

Люди кивают с беспечным видом, после чего Рок поджимает губы и спрашивает уже паренька:

– А ты?

Тот отрицательно мотает головой.

В следующее мгновение комнату озаряют две красные вспышки.

Тела взрослых падают с простреленными головами, и выражение изумления еще не успело пропасть с их лиц.

Паренек на мгновение замирает, но вскоре с криком ужаса падает рядом на колени. Слышатся сдавленные рыдания.

– Встань, – раздается голос судьи.

Взгляд паренька поднимается, в глазах стоят злые слезы.

Судья отворачивается, но паренек произносит:

– Не отводи взгляд.

Судья не поворачивается, а паренек выкрикивает сквозь слезы:

– Смотри мне в глаза, мать твою!

Рок смотрит и вздрагивает. Возможно, его посещает видение из прошлого.

Про то, как обычный паренек невероятным образом стал для синтета-ликвидатора… другом?

Тем, кто разглядел за образом безжалостного убийцы нечто большее. Судья и сам до сих пор не до конца понял, что именно.

Рок говорит:

– Уходи. Я доложу, что не оставил свидетелей.

– Думаешь, я тебе скажу спасибо? – спрашивает парень с вызовом.

– Нет. Не скажешь, – отвечает судья, направляясь к выходу.

– Или ты думаешь, со временем я пойму и прощу?! – кричит бывший друг вслед.

– Нет, – отвечает он, ни к кому, в отдельности, не обращаясь, – не простишь.

Паренек находится на грани истерики и кричит:

– Я надеюсь, что ты сдохнешь в какой-нибудь подворотне и о тебе никто и никогда не вспомнит!

Но судья уже выходит из квартиры.

Он еще стоит у двери какое-то время, и взгляд красных глаз-имплантов направлен в одну точку на стене. Что думает и чувствует полубоевой синтет, остается только гадать…

– …И это хороший поступок?! – удивленно спросила Дэш, переводя взгляд на ненастоящую принцессу Селестию. – Оставить парня сиротой?

– Оставить парня в живых, – ответила та, но потом все же добавила после небольшой паузы. – Раз судья оказался здесь, значит, милосердие тогда остановило его руку. Следовательно, он получил свой шанс, а уж воспользоваться им или нет – это будет его выбор. Осознанный и зрелый… надеюсь.

Дэш поджала губы. Ей, никогда не имевшей родителей, все же возможно было понять чувства

паренька. Она сама впала бы в точно такую же панику, убей кто на ее глазах Алекса Вендара.

В детстве, конечно. Будучи взрослой, уже подвергшейся насилию и немыслимым издевательствам, Рейнбоу Дэш лишь расхохоталась бы этому факту. Впрочем, она и вправду довольно долго смеялась сквозь кляп, когда Алекс, наконец, перестал дергаться в судорогах где-то сзади.

Веселье, правда, кончилось, когда Рейнбоу осознала тот факт, что прочно привязана к топчану с заткнутым ртом, а дома никого больше нет. И не предвидится.

Дэш вынырнула из воспоминаний, помотав головой. То, что ее собственный убийца тоже получил такие же шансы на спасение, порождало в душе пегаски чувство неясного протеста.

С другой же стороны, Дэш знала Рока только мимолетно, и большую часть этого времени они дрались не на жизнь, а на смерть.

– Я его почти уделала, – сказала, наконец, радужная пегаска совсем не то, что собиралась.

Но Хранитель снова лишь улыбнулась доброй улыбкой принцессы Селестии.

– Ну что, ты готова отправляться дальше? – спросила она, но Дэш фыркнула:

– Да прям! Ты сама сказала, что я получу ответы на все вопросы, так что не пытайся отлынивать. Или ты сейчас скажешь, что у нас мало времени?

– Время столь же относительно, как и пространство, – философски заметила аликорн, после чего вопросительно уставилась на пегаску.

Та не отказала себе в удовольствии выдержать паузу, прежде чем произнесла:

– Последний из тех, кто был моим другом и остался в живых… По крайней мере, на тот момент, что я помню.

– Поняла, – Хранитель взмахнула крылом, и в кристалле из круговерти образов проявился знакомый интерьер внутренних помещений «Пони-Плея».

Бейн Блейд Престон сидит в гримерке и думает, что остался совсем один. Нет больше ни умненькой Твайлайт Спаркл МакАлистер, ни циничной старухи Рейнбоу Дэш Хоул, нет и заводного радужного ерзика Вендар. А еще Спитфаер – горячей девчонки, что зажигала везде:

на арене, среди друзей, на танцах и в постели…

Все погибли, и как раз Вендар виновата во всех смертях. А вернее, ее хозяин, что сделал из доброй и веселой пегаски злобную машину для убийства.

Из размышлений фестрала вырывает стук в дверь.

– Войдите, – отзывается он, – не заперто.

В следующий миг в комнату входит Дитзи Ду в курьерской форме. Сейчас, после принятой Великой Хартии Синтетов, многие компании решили, что называется, «оседлать волну» и стали брать и даже приглашать на работу синтетов, в том числе негуманоидных видов.

– Посылка Бейну Блейду Престону, – говорит тем временем пегаска с характерно косящими желтыми глазами. – Распишитесь, сэр.

Фестрал отвлекается от печальных мыслей, отправляет подтверждение-подпись на планшет курьера и открывает полимерный ящичек. Там оказывается одноразовый проектор и несколько пакетов.

Повинуясь команде, над прибором высвечивается голограмма Рейнбоу Дэш. Судя по одежде, шрамам и выражению морды – это Хоул.

– Привет, здоровяк, – говорит она. – Если ты это получил, значит, старая Хоул отбросила копыта раньше, чем смогла передать лично. В общем, в ящике ключ от сейфа и коды от счетов. Плюс пара личных вещей. То, что я скопила. Довольно прилично, если еще не успела выйти на пенсию, хе-хе. Мне это все не понадобится больше, так что… Хочу, чтобы ты, здоровый болван, разделил это все между старыми друзьями. Это мой прощальный подарок. Всезнайке, ерзику и тебе. Помяните меня как следует. С приветом из Эквестрии, всегда ваша, Рейнбоу Дэш Хоул.

Голограмма гаснет, а Бейн Блейд Престон со вздохом вытирает копытом глаза:

– Обязательно помянем, старуха. Обязательно…

Судя по всему, обращение было записано задолго до того, как две Рейнбоу Дэш сошлись на Арене в своем последнем бою. И даже до гибели Твайлайт. Наверное, Хоул просто поленилась переписать сообщение, а может, решила оставить так в назидание юной Вендар…

…Арена. Восторженные вопли зрителей, что ставят на своих фаворитов. Ведь даже несмотря на то, что синтеты получили права, это не мешает им участвовать в подобного рода боях. В том числе и до смерти: жестокая человеческая масса на трибунах требует крови в попытке отвлечься от серых будней.

И платит за это деньги. Гораздо большие, чем раньше.

Настолько, что даже свободные юридически синтеты готовы драться на потеху кровожадной толпе.

Фестрал в доспехах заносит копыта над съежившейся Рейнбоу Дэш, у которой уже нет сил сопротивляться. И тут Бейн Блейд вспоминает слова, сказанные Маусом, а также полные безумной ярости глаза Дэш Вэндар…

Смертельного удара не последовало. Рейнбоу Дэш рискует поднять глаза и видит лишь удаляющегося фестрала, вслед которому несутся ругательства и угрозы со стороны толпы.

Сейчас неповиновение не имеет столь роковых последствий, как раньше: с тех пор, как Хартия запретила убийства синтетов, с автомата-рефери демонтировали бластер…

…После боя Бейн Блейд стоит под душем, думая о своем. Теперь штрафной рейтинг приведет к тому, что фестрал лишится чемпионского места и, как знать, возможно, вообще вылетит из лиги.

Открывается дверь, раздается голос:

– Только один вопрос, Блейд. Почему?

Фестрал оборачивается и видит помятую Рейнбоу Дэш О'Нейл, с которой дрался.

Он ничего не говорит и отворачивается, но пегаска подходит и прижимает его копытами к стене.

Фестрал замечает, что та раздета: очевидно, не захотела мочить форму, хотя там уже нужна скорее замена, чем стирка.

– Ты видел, что показывали зрители. Палец вниз, каюк поняше. Что на тебя нашло, фестрал? Ты ведь остался без денег.

Бейн Блейд не отвечает. Ему ничего не стоит выкинуть прочь лазурную пегаску: куда ей по умениям и силе до Вендар.

Умом он понимает, что этот взгляд рубиновых глаз, этот сорвиголовный характер – это есть у всех Рейнбоу Дэш… Но оставаться равнодушным не получается.

– Чего ты хочешь? – спрашивает он.

– Жрать хочу, – говорит Рейнбоу Дэш О'Нейл. – А еще выпить. ЖИТЬ ХОЧУ!

С этими словами она впивается поцелуем в губы Бейн Блейда…

…Позже они покидают «Пони Плей» уже вместе.

Покидают, чтобы не возвращаться…

…Много после Бейн Блейд Престон в полицейской форме идет по осеннему парку, возвращаясь со службы. Рядом шагает Рейнбоу Дэш, прижавшись боком и положив крыло на спину фестрала.

Пасмурное небо громыхает приближающейся грозой.

– Кажется, пора домой, – улыбается Дэш и трется мордочкой о черную шею. – Позовешь ее?

– Конечно, – отзывается Бейн Блейд и повышает голос: – Спитфаер! Спитфа-а-а-ае-е-ер!

Вскоре над головами проносится размытое желтое пятно. Через секунду на дорогу хлопается взъерошенная огненная пегасенка, одетая во все красное.

На сердце Бейн Блейда теплеет, когда он вспоминает приют для синтетов, где пару лет назад встретился с таким знакомым взглядом оранжевых глаз, переглянулся с пришедшей вместе с ним Дэш… и все понял без слов.

– Да, папа? – пискляво спрашивает Спитфаер, поднимаясь на ноги.

– Домой пора, – говорит фестрал.

Пегасы расправляют крылья и взлетают….

– …И они зажили долго и счастливо, – сказала Рейнбоу, отводя от хрустальной колонны взгляд и снова поднимая его на аликорна. – Как-то это банально все.

– А чем плохо? – спросила Хранитель, мановением крыла убирая видение. – Простое счастье обычно длится действительно долго.

Рейнбоу вздохнула. Ее личное счастье имело ценой медленную гибель цивилизации. И не то

чтобы радужная пегаска сильно переживала о Гигаполисах и современном обществе, но все же выступила бы за спасение многих вещей.

Например, вольт-яблочного джема.

Дэш сделалось смешно при одной мысли об этом: спасти мир ради любимого лакомства.

А кто-нибудь наверняка назвал бы причиной спасения мира любовь или там дружбу. Все то, к чему сердце радужной пегаски, признаться, лежало, но чего в жизни она была или лишена, или сама испортила по глупости.

Хотя, по мнению Дэш, если бы синтеты могли заменить собой человечество на Земле, это было бы справедливо. Ну или если бы пони и остальные искусственные существа смогли бы улететь куда-нибудь и жить, как им нравится. Без отношений с людьми.

«Угу, размечталась, – оборвала пегаска сама себя. – Тебя, блин, спросить забыли!»

Но все же, несмотря на едкое высказывание, внутренне Рейнбоу радовалась за своего старого друга. И пусть он после убийства Спитфаер пытался отомстить на арене, Дэш не сердилась: он был в своем праве, так как любил огненную пегаску, пусть и безответно. Впрочем Хэнкок, вроде как, была не прочь поразвлечься с фестралом в свободное время, чему юная Дэш Вендар как-то стала случайным свидетелем.

«Сколько мне биолет тогда было? – попыталась вспомнить Рейнбоу. – Четырнадцать, вроде? Для меня это был шок…»

Пегаска покосилась на Хранителя, ожидая, что сейчас в одной из колонн снова появится воспоминание, но аликорн молчала и выжидающе смотрела на Дэш. Словно специально давала время подумать и собраться.

Дэш посетила мысль, что она своей агрессией и злобой причинила окружающим гораздо больше боли, чем думала.

Причем в первую очередь – своим друзьям.

Снова стало стыдно, так что уши грустно опустились.

Дэш очень надеялась, что ей не придется теперь просить прощения у всех и каждого, с кем она была груба или даже жестока. Не то чтобы Рейнбоу не испытывала раскаяния, но при одной мысли о том, что придется снова заглядывать в глаза тем, кого оттолкнула, обидела, убила… было просто невыносимо.

Но вопреки опасениям пегаски, в колоннах так и не проступили новые образы, а Хранитель ни словом не обмолвилась о новых испытаниях.

И без того этот мир всю душу вымотал.

Неожиданно пони вздрогнула от собственных мыслей, но все же набралась смелости и вновь подняла взгляд на ненастоящую принцессу Селестию:

– Раз мы можем видеть прошлое и будущее, – медленно произнесла она, – и раз ты можешь показать мне мои чувства, и чувства других… Я хочу знать, почему Алекс делал со мной то, что делал. В какой момент все пошло не так, что он из строгого, но справедливого учителя превратился в изверга и насильника?..

На мордочке принцессы Селестии появилось выражение скорби:

– Если я покажу, ждет тебя боль только…

Подкравшийся застарелый страх протянул было к душе Рейнбоу липкие щупальца, но та встретила его испытанным оружием – гневом:

– Я требую, чтобы ты показала! – повысила голос пегаска и даже топнула копытом. – Иначе я за себя не ручаюсь!

– Не нужно угроз, моя маленькая пони, – спокойно ответила аликорн, почти как настоящая принцесса. – Я должна была убедиться, что ты действительно хочешь этого.

– О, лягать, еще как хочу!

Мир вокруг снова померк, вытесняемый образом из хрустальных колонн.

Но на этот раз от проявившейся картины Рейнбоу Дэш ощутимо вздрогнула, а крылья резко распахнулись от страха…

…Красные стены. Приглушенный свет. Судя по всему – то ли бордель, то ли одно из внутренних помещений «Пони-Плея».

На какой-то раме ремнями растянуто безвольно поникшее обнаженное тело пони. Пегаски. Рейнбоу Дэш. С ног до головы кобылица покрыта шрамами – свежими и застарелыми. В комнате пахнет кровью, потом и сексом.

Алекс Вендар, молодой и еще даже не такой накачанный, ходит взад-вперед. Он весь вспотевший и голый. Видимо, распятая Дэш – его рук дело.

– Опять не то… – вдруг говорит Алекс вслух вполголоса. – Что за бледная тень, что за убожество в цветастой оболочке. О, Дэши…

Он подходит к пони и, взяв за подбородок, приподнимает ей голову. Видно, что огромные глаза открыты, и из них потоком текут слезы. Но в рубиновой глубине, кажется, нет жизни: пони тупо пялится куда-то сквозь своего мучителя, не реагируя ни на что.

Та Дэш, что когда-то носила прим-фамилию Вендар, прекрасно знает это состояние. Когда мир перестает существовать, канув в бездну боли и страха. Когда не остается сил ни сопротивляться, ни даже кричать. Пропадают мысли, притупляются чувства, и сознание «плывет». Тело еще может реагировать, но душа блуждает где-то далеко.

– Жалкая, сломанная игрушка, – презрительно бросает Алекс в глаза измученной Рейнбоу Дэш. – Твой дух должен быть тверд как алмаз, но ты лишь жалкое подобие того, чем можешь быть…

Жертва не отвечает, лишь опускает взгляд, не в силах смотреть в лицо изверга.

Алекс распрямляется и с презрением сплевывает на пол. Начинает одеваться.

– Я знаю, что нужно делать, – говорит он таким голосом, что его недавняя жертва начинает жалобно скулить и вяло дергаться в ремнях, – но не с тобой, нет. Ты уже испорчена и сломана. Твой разум замутнен, а дух мягок.

С этими словами человек выходит из помещения, проведя кредиткой над монитором у выхода. Дверь открывается. Слышно, как хорошо поставленный голос произносит:

– Благодарим за визит, мистер Вендар. Приходите к нам еще, и мы закажем новую Рейнбоу Дэш специально для Вас. Прямиком из Эквестрии.

При этих словах Алекс останавливается и произносит:

– Нет. Хватит с меня мягкотелых подобий. Я сам создам Рейнбоу Дэш, сильную телом и духом, с чистого листа. Несгибаемую. Идеальную. Пусть даже это займет у меня годы и годы…

…Дэш отвела взгляд и сжала зубы.

– Ублюдок, – процедила она тихо. – Сука.

Остатки видения погасли, а тишина залы вновь нарушилась сдавленным всхлипом.

Пегаска, погрузившаяся было в воспоминания, думала о том, что иногда правда о собственной жизни может оказаться просто адской пыткой. Например, когда осознаешь, что весь фундамент твоего существования – это чья-то прихоть, продиктованная лишь… мимолетным желанием?

Неожиданно Дэш почувствовала, как ее обняло теплое и мягкое крыло. Такое большое, что укутало словно одеялом.

– Не трогай меня, – пробурчала пони, которой на самом деле совсем не хотелось, чтобы объятия прекратились.

Они и не прекратились.

– Прости, – сказала аликорн, – ты сама попросила показать…

Мордочка пегаски вскинулась, явив Хранителю огромные мокрые глаза.

– Ничего, – короткие фразы Дэш падали будто камни. – Я сама виновата. Знаешь, я подозревала это. Но внутренне не могла… вернее, не хотела верить… А я ведь восхищалась… чуть ли не боготворила эту мразь… Проклятье, я просто влюбилась!

Аликорн не ответила, просто обнимая Рейнбоу, которая зло хлюпнула носом и вытерла проступившие слезы.

– Покажи мне еще кое-что, – попросила она, и голос заметно потяжелел. – Я хочу знать, чем все должно было кончиться по его замыслу.

– Не достаточно ли ты страдала в той жизни и этой?..

– Показывай, – решительно сказала пегаска, шевельнув крыльями. – Или я не найду покоя, раз за разом спрашивая себя, к чему это шло.

Хранитель отвела взгляд аместистовых глаз, и длинный рог окутался золотым сиянием…

…Избитая и окровавленная Рейнбоу Дэш лежит на топчане. Алекс Вендар с ножом в руке

бросает перед ее мордочкой кусок шкурки с кьютимаркой в виде облака и радужной молнии, только что бывшей на бедре воспитанницы, но та сжимает зубы и поднимает на хозяина взгляд полных ненависти глаз.

– Поздравляю, – произносит тот. – Твое обучение завершено. Ты – совершенная Рейнбоу Дэш, отныне и навсегда, и для меня будет честью освободить свое творение.

С этими словами он отстегивает обессилевшую пони от топчана и быстро несет в медпункт. Робот-автодок быстро приводит пегаску в порядок нанитами и инъекциями стимуляторов. Единственное, что отличает нынешнюю Рейнбоу от прежней – пустой левый бок.

Вскоре Дэш засыпает, успокоенная уколами и словами хозяина.

Все.

Конец страданиям и рабству.

Свобода.

Из глаз пони катятся две слезинки гордости и радости, которых никто не видит…

…Но когда Рейнбоу Дэш просыпается, то с удивлением обнаруживает себя растянутой на прямоугольной раме. Лучи нескольких прожекторов падают на нее, и, проморгавшись, пегаска обнаруживает, что обнажена и зафиксирована цепями за все конечности.

Удивленный взгляд выхватывает хозяина, что стоит на границе тьмы и света.

– Вот и настал тот долгожданный миг, – с некоторой долей торжественности произносит Алекс Вендар, – когда я вижу перед собой неописуемо-прекрасную, совершенную Рейнбоу Дэш. Невозможно описать словами, как я горжусь тобой, Дэши, и с каким наслаждением я, наконец, смогу сказать тебе последние слова.

– Решил повеселиться напоследок, сука? – спрашивает пегаска, нахмурившись и попытавшись пошевелиться. Тщетно.

– Не думаешь же ты, что я, сотворив совершенство, просто так возьму и отпущу тебя?

Сердце вздрагивает в груди, но Рейнбоу, не показав страха, лишь презрительно кидает:

– Тогда давай быстрее. Ты мне до смерти надоел.

– Вот моя Дэши, – произносит Алекс и, протянув руку, гладит пони по щеке.

Та, не устояв перед искушением, впивается в ладонь хозяина зубами. Брызгает кровь, и Дэш чувствует, что этот вкус заставляет ее наслаждаться больше, чем банка вольт-яблочного джема.

Но человек не издает ни звука, и лишь улыбка на его лице становится шире. Вырвав руку, он проводит ей по телу Дэш. Оставив кровавый след, Алекс, продолжая смотреть в полнящиеся ненавистью глаза пегаски, начинает раздеваться...

...Находящаяся в Мире Дорог Рейнбоу не удержалась и отвела взгляд.

– Промотай на конец, – попросила она, – это... слишком. Не хочу видеть подробности.

Ей было стыдно за эту слабость, но в этот раз она не жалела. Снова погружаться в прошлое ради мерзкого «прощания» Алекса? Нет уж, спасибо...

– Хорошо, моя маленькая пони.

Дэш нашла в себе усилие вновь поднять глаза навстречу образам из хрустальной колонны...

...Она по-прежнему висит на железной раме. Избитая хлыстом, окровавленная и вспотевшая, в объятиях рычащего Алекса. Тот стоит лицом к лицу с пегаской и явно близок к финалу. Вокруг валяются элементы сбруи, хлыст и много чего еще, во что Дэш не хочет всматриваться. А еще – немного голубых перьев и радужных клочьев: похоже, в этот раз Алекс не сдерживал себя.

Человек, все еще балансируя на грани, вдруг берет Дэш за подбородок и заставляет приподнять окровавленную мордочку. Встречается с ней взглядом, в котором явно бурлит слакс, и хрипло произносит:

– Я люблю тебя, Дэши... моя Дэши.

С этими словами он целует пегаску прямо в разбитые губы, обняв и содрогаясь всем телом.

Свободная же рука делает молниеносное движение в сторону, к высокому столику, и в следующий миг в сердце радужной пони втыкается тяжелый нож... тот самый, который накануне срезал кьютимарку.

Алекс отрывается от губ пони, и та издает судорожный вздох. Дэш-настоящая откуда-то знает, что сейчас пегасочка испытывает, помимо ужасной боли, еще и наивысшее наслаждение, как и ее хозяин.

Потому что ее психика сейчас окончательно и бесповоротно сломана, равно как и императивы поведенческой программы.

В гаснущих рубиновых глазах больше нет ненависти, а лишь отражение уродливой любви. Дэш-связанная улыбается и выплевывает кровь прямо в лицо хозяина.

– Совершенство, – стонет Алекс, и рука проворачивает нож одновременно с кульминацией. – Моя… И больше ничья…

Рейнбоу улыбается разбитыми губами и, наконец, бессильно обвисает в кандалах. Абсолютно счастливая…

В Мире Дорог Рейнбоу Дэш видит, как Алекс отстраняется от обмякшего тела, бросает нож на пол и протягивает ладонь. Туда опускается шар дрона-камеры, который снял произошедшее с первого и до последнего мига.

Взгляд стальных глаз постепенно приобретает осмысленность: одним из свойств слакса является быстрый распад после того, как наркоман испытывает пик наслаждения.

Алекс смотрит на дрона с записью, потом на безжизненное тело, висящее на цепях.

– Да, – произносит он, тяжело дыша, – это явно стоило всех лет ожиданий. Просто шедевр…

На лице появляется торжествующая, невиданная доселе, и до безумия жуткая улыбка.

Алекс подбрасывает шар в руке и добавляет:

– Ты всегда будешь первой для меня, Дэши. Первой… из многих.

…Видение рассеялось.

Белая аликорн перевела взгляд на пегаску, но ожидаемых слез не увидела. Вместо этого в рубиновых глазах не было даже ненависти.

– Подумать только, – сказала Дэш, недоуменно. – Все годы тренировок, боли, насилия… ради

этого? Просто чтобы трахнуть и убить?..

– Как ты могла заметить, все было немного сложнее.

– А, ну да, – в голосе пегаски послышалась ирония. – Он признался мне в любви. Аккурат перед тем, как прирезать… Похоже, на роду мне написано было получить клинок в ребра.

– Этого не было, маленькая пони, – напомнила Хранитель.

– Сама говорила, что все относительно. Где-то это, значит, было.

– Реальность вероятностей зависит от наполнения различными энергиями всеобщего информационного поля…

– Дай-ка я угадаю, – перебила Дэш. – Чем больше об этой истории знают, тем она реальнее?

– Это ужасающе грубое упрощение, – аликорн даже поморщила королевский носик, – но не думаю, что стоит углубляться в детали. Просто поверь.

Рейнбоу Дэш не ответила. Несмотря на внешнее спокойствие, в ее душе бушевала настоящая буря чувств. Ей хотелось в отчаянии выть и захлебываться слезами от осознания того, что вся ее жизнь должна была закончиться вот так. И в то же время пегаску распирала радость от того, что все так не закончилось. И что жизнь, как оказалось, была прожита не зря, пусть даже о многом приходится сожалеть.

А еще бывшая Вендар испытывала сладостное и горькое чувство злорадства, что Алекс сдох, так и не получив чаемого.

Пауза затянулась: аликорн молчала, а Дэш погрузилась в собственные мысли.

Но вскоре радужная пегасочка снова обратилась к Хранителю:

– Ладно. Я узнала все, что хотела. Что дальше? Еще дурацкие испытания или финальный босс?

– Нет, – та покачала головой. – Как я уже сказала, испытаниям конец, равно как конец твоему Пути. И дальше – лишь заслуженная награда.

Белое крыло показало на огромные деревянные створки.

– Врата рая? – усмехнулась Дэш.

Хранитель ответила:

– Разве что прежде, чем получишь награду, кое-кто еще хотел бы попросить у тебя прощения.

– Кто? – подняла бровь пегаска, мысленно прикидывая, кто мог испытывать такое желание.

– Вы уже встречались на Дороге, хотя для вас и прошло разное время…

– Опять загадки! – фыркнула пегаска, отворачиваясь, но понячье любопытство все же взяло верх. – Может, хотя бы намекнешь, кто бы это мог быть?

Белый аликорн ненадолго задумалась:

– Никто его не заставлял отправиться в дорогу. И хотя он прошел немало, впереди еще долгий Путь. Ему предстоит встретить многих из тех, кого он несколько наивно считает своими творениями и кому не повезло в жизни, и тоже попросить прощения.

В рубиновых глазах отразилось удивление, которого аликорн не могла видеть.

Вроде как, доктор Хаузер остался в клинике…

– Все куда проще, – снова прочла ее мысли Хранитель. – Проще, но и сложнее одновременно.

– Серьезно, тебе надо научиться отвечать, не задавая новых вопросов, – скорее для показухи, чем по-настоящему сварливо пробурчала пегаска.

Аликорн, хотя Дэш и не могла ее видеть, лишь снова улыбнулась уголками губ….

Рейнбоу же, словно во сне, направилась к дверям, но в этот раз Хранитель не последовала за ней.

Протянув к створкам копыто, пегаска обернулась:

– Если ты говоришь, что боли больше не будет, значит ли это, что я все забуду? Алекса, людей, все-все?

Аликорн грустно улыбнулась:

– Только если тебе самой захочется забыть.

Рейнбоу Дэш колебалась всего секунду. Радужная челка, отросшая за время путешествия по Миру Дорог, замоталась, когда пегаска отрицательно закачала головой.

– Нет, – коротко сказала Дэш, распахивая дверь толчком лазурного копыта…

…Ушей коснулись тихое журчание воды и шум листвы, а носа – запахи свежести и цветов.

Проходя в дверь, пегаска чувствовала, как сердце бешено колотится в груди.

Все.

Она дошла и получила все ответы. Можно было бы, конечно, еще довольно долго допытываться до вероятностей, но Рейнбоу Дэш решила, что дальше сама разберется.

Ног коснулась прохладная вода тихой и мелкой лесной речки, под копытами зашелестела обкатанная потоком галька. Прорывающийся сквозь нависшую над руслом листву солнечный свет радовал глаз, и почему-то Дэш была уверена, что там, наверху, ее ждет пронзительно-голубое, манящее прохладой и простором, бескрайнее небо…

Оглянувшись, Дэш ожидала, что не увидит входа, но в воздухе все еще висела дверь, за которой виднелся зал с колоннами и белая аликорн.

Рейнбоу, подчинившись мимолетному порыву, помахала на прощание, и Хранитель ответила тем же.

«Помни, – раздался у пегаски в голове мягкий голос, – смерти нет, есть лишь поворот в Пути…»

И лишь после этого дверь медленно затворилась, после чего створки постепенно стали прозрачными, прежде чем исчезнуть без следа.

Пони усмехнулась. Теперь ее не пугало то, что могло встретиться впереди.

Даже замерший в задумчивой позе человеческий силуэт, сидящий на камне спиной к вошедшей в новый мир Рейнбоу Дэш. Знакомый, хотя и виденный лишь раз и мимолетно здоровяк с противоположного края грязной траншеи где-то посреди Мира Дорог…

http://tl.rulate.ru/book/82091/2554378